

Элен
Скор

Соляные копи
попаданки

Элен Скор

Соляные копи попаданки

<https://litres.ru/74214564>

Аннотация

Сделала, называется, доброе дело — и попала прямиком в другой мир. Вот только что-то он с первых минут совсем не радует. Мачеха девушки, в тело которой я угодила, решила подзаработать, продав ее в квартал красных фонарей. И теперь мне приходится не только отстаивать свою честь, но и бежать в гиблые топи. Говорят, там даже трава не растет! Вот только меня этим не испугаешь! Топи осушу. Старый дом восстановлю. Я наведу тут порядок! Кóпи (от копать, добывать)

18+ на книге стоит за упоминание в тексте сонного порошка и пищевой соли.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	50
Глава 7	61
Глава 8	69
Глава 9	77
Глава 10	87
Глава 11	96
Глава 12	105
Глава 13	113
Глава 14	125
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Глава 1

Звонок раздался рано утром. Я по старой, давно заведенной привычке варила кофе, что-то бормотал маленький кухонный телевизор, за окном чирикали неугомонные воробьи, греясь в лучах майского солнышка, а на экране телефона высветилась надпись: «Начальник».

«Бывший начальник», — поправила я себя.

Вот уже третью неделю я находилась на заслуженном отдыхе, куда меня торжественно проводили коллеги, устроили по этому поводу пирушку и даже подарили путевку в экотур.

— Вот, езжай, отдохнешь от своих железок, развеешься, — улыбаясь, вручил мне конверт тот самый начальник, который сейчас названивал с утра пораньше.

Телефон последний раз звякнул и замолк. Я не спеша перелила кофе в фарфоровую чашечку, мою любимую. Пить кофе по утрам стало для меня многолетней традицией, и ничто не могло ей помешать.

Сделала первый глоток ароматного напитка и прикрыла глаза от удовольствия, вдыхая бодрящий аромат.

Настроение стремительно улучшалось, его не испортил даже вид неразобранного чемодана, так и стоящего в дверях прихожей.

В экотур я все же поехала, не пропадать же путевке. Мне неожиданно понравилось: деревня, душистое сено, коровки, колодец и коромысло с ведрами. Тишь и благодать! Я даже задумалась: не купить ли мне домик в деревне?

А что, денег у меня скоплено достаточно. Чем куковать в городе и маяться от безделья, буду сажать клубнику и обмениваться с бодрыми старичками рассадой. Хотя меня и отправили на пенсию, сама себя старой я не считала.

Телефон снова зазвонил. Я усмехнулась, увидев на экране имя начальника.

— Эк его раздрает, неужто решил лично меня с Первым мая поздравить?

Именно он отправил меня на пенсию со словами: «Пора уступить дорогу молодым». Старая обида шевельнулась где-то в груди, но я усилием воли подавила ее. Действительно, что за ребячество? Человек звонит, видать, переживает, как я по путевке съездила.

Вздохнув, взяла трубку и поднесла к уху.

— Михаловна, ну слава богу, дозвонился! Я уж думал, ты еще не вернулась!

— И тебе, Дмитрий Петрович, здрасьте.

— Ай, не до этого мне сейчас, Михаловна, — отмахнулся бывший начальник, — выручай!

— Что случилось?

— Форс-мажор у меня! Завтра москвичи на отдых приезжают, в горы собираются, а у меня подъемник заело! Его же

с осени не включали!

— А я тебе сколько раз говорила, что механизм изношен, менять нужно?

— Ты еще поучи меня, как будто я сам не знаю. А деньги где взять?

— Ну от меня-то ты чего хочешь?

— Выручай, Михаловна, съезди, посмотри, что там. Я Семеныча послал, но от него уже два часа ни слуху ни духу. Я ж его с Первоя выдернул, он еще вчера отмечать начал. Тревожно мне что-то, Михаловна.

— Так пошли молодых специалистов.

— Михаловна, честное слово, ты как вчера родилась. Первояйские праздники, все поразъехали, никого не найдешь. Хорошо, хоть ты всегда дома.

Всегда дома. А где же еще быть одинокой вдове?

Были времена, когда и мы с мужем и его друзьями отмечали Первояй в дружной компании. Муж — военный, помоталась я с ним по гарнизонам, часто по таким медвежьим углам, что вспомнить страшно.

От скуки выучилась на инженера, заочно. Меня с детства тянуло ко всяким сложным механизмам. И странное дело, у меня, сопливой девчонки, выдавший виды запорожец, с которым не справлялись даже маститые механики, заводился буквально с пол-оборота. Я словно чувствовала механизмы, знала, что нужно сделать, чтобы они снова заработали.

Нужно ли говорить, что без дела я не сидела? А когда муж

не вернулся из командировки в очередную горячую точку, его товарищи устроили меня на один небольшой горнодобывающий заводик.

Мужа я любила, долго тосковала, находя утешение в работе. Если сначала за мной еще пытались ухаживать, то со временем это сошло на нет. Да и кто посмотрит на бабу, которую по виду и от мужика-то не отличить?

Я коротко стриглась, носила исключительно штаны — потому что так удобнее. Никакого маникюра — машинного масла и гаечного ключа не выдерживали даже стойкие современные лаки для ногтей.

Постоянно работая в мужском коллективе, я научилась виртуозно ругаться, потому как по-другому коллеги просто не понимали. Единственное — я никогда не пила и не курила, за что постоянно поощрялась начальством и ставилась в пример. В коллективе меня уважали.

На заводе до сих пор существовала старая канатная дорога возрастом чуть ли не старше меня. Раньше на вершину горы доставляли рабочих, а с недавних пор — туристов. Правда, только в летнее время. Что понадобилось москвичам весной, когда на горе еще не весь снег растаял?

Все эти мысли пронеслись у меня в голове, а Петрович напирал:

— Михаловна, поезжай, а?!

— Петрович, я бы поехала, да только ты сам меня на пенсию отправил. А посторонним находиться на объекте нельзя!

— Михаловна, ты меня без ножа режешь! Ну хоть Семеныча пожалей, вдруг там что серьезное приключилось, а он выпивши. А про объект даже не думай, никто не узнает, что ты там была! А я тебе за это пачку кофе куплю. Твоего любимого.

— Две!

— Что?

— Две пачки кофе!

— Хорошо!

Я даже по голосу поняла, что Петрович довольно улыбается. Если этот жмот согласился на покупку, в общем-то, недорогого напитка, видать, его действительно серьезно приперло.

— Ладно, выезжаю, — вздохнула я, покосилась на закрытый чемодан, понимая, что разборка вещей откладывается на неопределенное время, и даже повеселела.

Натянув свой любимый рабочий комбинезон, ветровку и кепку, спустилась на парковку, где стояла моя ласточка. Машинка, не новая, но ухоженная, любовно перебранная собственными руками, мягко тронулась с места. Выехав из города, я набрала скорость, сворачивая на ведущую к горам дорогу.

Жигули Семеныча, нашего старшего мастера, стояли возле ангара, скрывающего в себе подъемный механизм канатной дороги. Я припарковалась рядом и направилась внутрь.

— Семеныч! Семеныч, ты где? — крикнула я.

В ответ тишина.

Обойдя весь ангар, так его и не нашла, поэтому спустилась в подвал, где и скрывались главные механизмы.

Под потолком тускло горело несколько лампочек, ясно указывая, что тут кто-то есть.

— Семеныч!

Я прислушалась. Из дальнего конца машинного зала раздавалось какое-то шепуршение. Я пошла на шум.

— Семеныч! Да как же тебя угораздило?

Мастер висел вверх ногами на высоте примерно двух метров над полом. Край его куртки зажевало между двумя огромными шестеренками. Надо отдать должное, он не растерялся и успел застопорить механизм большим гаечным ключом. Вот только выбраться сам так и не смог.

— Эх, Семеныч, Семеныч! — покачала я головой. — Давно висишь?

— Да часа два уже. Помоги, Михаловна, затек весь. И пить хочется. У тебя с собой водички нет?

— И как ты ее пить собрался, вверх ногами-то? Ладно, сейчас тебя вызволим.

Я обошла механизм, соображая, как лучше приноровиться. Меня то и дело отвлекал Семеныч, рассказывая, что он все починил и даже включил канатку для проверки, тут-то его и засосало.

А все потому, что кто-то пренебрегает соблюдением техники безопасности! Я вот даже волосы коротко стригу, а то

бывали случаи: попадет коса в работающий станок — и поминай как звали.

Поэтому первым делом избавилась от кепки и ветровки, надела рукавицы, отключила механизм и попыталась вытащить из него застопоривший ход гаечный ключ. Пришлось повозиться, но у меня все же получилось. Теперь нужно было выручать Семеныча.

— Я сейчас стремянку принесу и вытащу тебя.

Взяв лестницу, я прихватила с собой нож.

— Семеныч, надо резать. Куртку сильно зажало, не вытащим.

— Меня Галка со свету сживет, куртка-то почти новая. Давай так тяни!

Ну, я потянула. Куртка Семеныча треснула, а сам он повалился прямо на меня. В этот же момент затрещала, заискрилась наскоро скрученная проводка, и механизм медленно начал прокручиваться. Семеныч, вытаращив глаза, резко оттолкнулся, спрыгивая со стремянки. Та покачнулась и стала заваливаться прямо на огромную крутящуюся шестеренку.

— Семеныч, зараза, разомкни провод, — успела я крикнуть, а потом меня накрыла темнота.

Глава 2

Сознание возвращалось медленно, мигая в голове пульсирующей точкой. Ох, вот это меня приложило! Грудь сдавило так, что не вздохнуть, воздуха отчаянно не хватало, горло перехватило.

Я усилием воли подняла руку и заскребла пальцами пошее, пытаюсь убрать то, что так сильно на нее давило. Наткнулась на что-то теплое и упругое, ухватилась, оттаскивая. В легкие хлынул кислород, в голове тут же прояснилось.

Было темно, я лежала, раскинувшись на спине, откуда-то слева светил тусклый огонек, а надо мной нависала темная человеческая фигура, от которой так и разило перегаром.

«Вот это Семеныч надрался с утра пораньше, — пронеслось в голове, — разит, как от пивной бочки!»

Меня аж чуть не стошнило. Мало того, он навалился на меня всей своей немаленькой тушей, так что я не могла даже пошевелиться.

— Семеныч, слезь с меня, — просипела я, — тяжелый, зараза!

Но вместо этого мужские руки зашарили по моему телу, одна сжала грудь, а вторая скользнула вверх по ноге до самого бедра.

— Семеныч, ты не офигел ли, часом? У тебя жена есть!

Я завозила, пытаюсь сбросить его с себя.

— А ну, лежи смирно! Будешь паинькой — два золотых заплачу! — вдруг рыкнуло сверху.

Голос был совершенно мне незнаком, да и привыкшие к полутьме глаза выхватили округлое лицо довольно лыбившегося мужика, которого до этого я точно никогда не видела.

— А ну, быстро слез с меня! — зашипела я рассерженной кошкой. — А то!..

— А то что? — ощерился мужик. — Ты моя на всю ночь, так что расслабься и получай удовольствие!

«На всю ночь»? Да где это я? Что со мной случилось? Отлично помню, как вытаскивала Семеныча из заевшего механизма, как он прыгнул со стремянки, толкая меня прямо на огромные крутящиеся шестеренки.

Шанс выжить у меня был один из ста, это я отлично понимала, и то от меня бы живого места не осталось, а я чувствую себя довольно неплохо, вот только шея побаливает.

Повернув голову в сторону светящегося пятна, я увидела стол, стоящую на нем свечу, поднос с кувшином и тарелкой. Дальше действовала на одних рефлексах: протянула руку, схватила кувшин и что есть силы опустила его на голову уткнувшегося мне в грудь незнакомца.

Тот сдавленно хрюкнул и обмяк. Несколько минут у меня ушло на то, чтобы спихнуть его с себя. Потом еще с минуту лежала, восстанавливая дыхание, затем аккуратно ощупала себя на предмет повреждений.

Руки-ноги гнулись, ребра тоже вроде были целые, зато на себе я обнаружила длинный балахон, задранный сейчас до самого живота. Потихоньку попыталась сесть, голова чуть закружилась, но вскоре все прошло.

Потянулась к столу, взяла свечу и принялась осматриваться. Больше всего меня интересовал мужик: не убила ли я его ненароком? Он лежал на широкой кровати, уткнувшись лицом в подушку. Увидев на его голове и рубашке расплывшееся алое пятно, наклонилась ниже.

Неужели кровь? Аккуратно коснулась пальцем и поднесла его к глазам — не похоже. От пальца шел кисловатый сивушный запах.

«Да это же вино! Красное!» — поняла я.

И словно в подтверждение моей догадки, мужик громко захрапел.

Живой! Это хорошо, не хватало потом объясняться, что я убила его, защищая свою девичью честь.

Поняв, что мне больше ничего не угрожает, я принялась осматривать комнату. Старая тяжелая мебель, на окне пыльные бархатные гардины, за окном темно — ни единого огонька. Значит, я провалялась в отключке до самой ночи. За это время меня можно было увезти куда угодно, хоть в другую страну. Только кому понадобилась пенсионерка, да еще больше смахивающая на мальчишку-подростка?

Длинная сорочка путалась в ногах, еще и волосы лезли в лицо. Стоп! Какие волосы? Я всегда стригусь очень коротко!

Вернувшись к столу, я поставила свечу и принялась себя ощупывать. Первым делом волосы — длинные, до самой талии, я перекинула их через плечо, рассматривая светлые локоны.

Я всегда была шатенкой. И всегда умела мыслить логически, прекрасно понимая, что шансов выжить у меня не было. Значит, все эти разговоры про жизнь после смерти вовсе не выдумки. Только я не думала, что очнусь уже во взрослом теле, для перерождения больше бы подошел младенец. Но видимо, и в небесной канцелярии бывают осечки, так как моя память тоже осталась при мне.

Приняв эту мысль, я начала изучать свое новое тело. Стройное, даже худое. Высокая упругая грудь, узкая талия, переходящая в крутые бедра, я даже задрала подол сорочки, чтобы в этом убедиться.

Кожа нежная и гладкая, значит, тело довольно молодое. Жаль, нет зеркала, чтобы лучше рассмотреть свою новую внешность. Я осмотрела всю комнату, но так его и не нашла. Зато в шкафу наткнулась на несколько платьев, к слову довольно поношенных, и обнаружила обувь, которой очень обрадовалась — полы были холодными, я стала уже подмерзать.

И тут в дверь тихонько заскреблись.

— Софи, Софи, как ты, девочка моя?! Это я, бабушка, открой мне!

Бабушка?

Я обернулась на храпящего в кровати борова и снова посмотрела на дверь. Остаться в комнате было чревато, когда-то ведь он проснется, придет в себя и, возможно, снова решит продолжить прерванное. Не факт, что я справлюсь с ним еще раз.

Взяв в одну руку свечу, а во вторую тяжелый бронзовый подсвечник, который отлично сойдет за оружие, я встала так, чтобы оказаться за дверью и первой увидеть вошедшего.

Отодвинула задвижку и потянула дверь на себя.

В комнату вошла пожилая женщина в длинном старинном платье. Седые волосы убраны в высокую прическу, на плечах старенькая шаль.

— Софи, ох, Софи, прости, я не смогла уберечь тебя. — Пожилая дама глянула на кровать, и по ее морщинистым щекам потекли слезы. — Они заперли меня и подсыпали в чай сонный порошок, но я вылила его, сделав вид, что выпила все до капли. Я должна была защитить тебя от этой грязи, но не успела.

— Бабуля, успокойся, он не тронул меня!

Как только я это сказала, в голове словно взорвался фейерверк из воспоминаний прежней владелицы этого тела.

Софи Сент-Муар, до недавнего времени счастливая дочь четы Сент-Муар. Дворянский титул, небольшой, но уютный дом. Доход семьи поддерживали две скобяные лавки. Особо не шиковали, но на жизнь хватало.

Хватало и на пропитание, и на новые наряды, и даже на

содержание горничной. Маменька была очень бережливой и сама вела хозяйство, в доме всегда чем-то вкусно пахло, было тепло, светло и радостно.

Софи росла скромной и очень смышленной барышней. Маменька баловала любимую дочь, ограждая от всех житейских сложностей, рассчитывая, что с хорошим приданым девушке будет легко найти богатого жениха.

Все рухнуло в один момент, когда маменька простудилась и слегла с сильным жаром. Лекарства не помогали, лекарь только разводил руками, и вскоре хозяйки дома не стало.

Отец очень скорбел по любимой супруге и ударился в работу. Мог пропадать неизвестно где по несколько дней. Дела по дому взяла на себя бабушка, она хоть и потеряла дочь, но держалась ради единственной внучки.

А вот Софи совсем сникла, ее больше не радовали ни новые наряды, ни пирожные из лучшей кондитерской города. Девочка была очень близка с матерью и крайне болезненно переживала ее уход.

Но вскоре стало еще хуже. Отец неожиданно для всех снова женился. Привел в дом шумную, ярко наряженную даму, которая тут же принялась наводить свои порядки.

Первым делом она затеяла перестановку и ремонт в комнатах, ведь вместе с ней в доме поселилась и ее дочь. Девушка чуть старше Софи, такая же шумная и надменная, как ее мать.

Из-за ремонта Софи пришлось переселиться в другую

комнату, намного меньше, чем ее прежняя. Ремонт был уже давно закончен, но в комнате девушки поселилась дочь мачехи, так что переезд назад даже не планировался.

Мало того, мачеха стала давать Софи разные поручения по дому, перед мужем она оправдывалась тем, что девушке пора научиться вести хозяйство, так что отец не возражал. А вскоре ему стало и вовсе все равно, он вдруг стал прикладываться к бутылке, чего раньше никогда не делал.

Не прошло и года, как и его не стало. Вся власть в доме перешла к мачехе, вот тогда она и показала свой истинный нрав.

Горничная была уволена, ее заменила Софи. Бабушка пыталась было протестовать, но ей быстро указали на ее место. Мачеха заявила, что бабушку тут держат только из жалости, ведь она приходилась отцу Софи тещей, а значит, никаких родственных связей с новой хозяйкой дома не имела.

Бабуля по мере сил помогала Софи, чаще всего на кухне, все же в ее возрасте уже тяжело мыть полы или гладить наряды мачехи и ее дочки. Тем более к последней стали захаживать претенденты в мужья. Да вот незадача: весь интерес у них быстро пропадал. А винили в этом Софи.

Именно тогда мачеха задумала извести ненавистную падчерицу и даже придумала как — продать в квартал красных фонарей. А чтобы ее не осудили за этот поступок, надумала сначала опорочить бедную девушку, назвав ту гулящей.

Но даже тут она отличилась, решила заработать на падче-

рице, приведя в дом любителя молоденьких девушек, который посулил за ночь с девственницей целых два золотых.

Последние воспоминания Софи были о том, как мачеха и жирный боров, что сейчас храпел на кровати, ругались из-за оплаты: мачеха требовала деньги вперед, а тот упирал на то, что девку сначала нужно попробовать, вдруг он уже порченная, и обещал, что заплатит утром.

Затем боров велел принести ему еды да кувшин вина, после чего закрыл дверь на задвижку и повалил дрожащую девушку на кровать. Она неожиданно начала сопротивляться, тогда он просто придушил ее, сжав огромной ладонью тоненькую девичью шею.

Видимо, перестарался. Софи умерла, а ее место заняла я.

Меня выкинуло из воспоминаний так резко, что я даже покачнулась. Бабушка тут же подскочила, крепко обнимая.

— Бедная моя, натерпелась! Что же теперь будет? — Она принялась успокаивающе гладить меня по спине.

В объятиях старой женщины было тепло и спокойно, и пахло от нее чем-то родным. Совсем как в детстве.

Мужик на кровати захрапел особенно громко, тут же разрушая всю идиллию, напоминая, что не время пока расслабляться.

— Нам нужно бежать! И как можно скорее!

Я отстранилась от старушки, уже другим взглядом осматривая комнату на предмет того, что может пригодиться в дороге.

— Бежать? Но куда?

Бабуля растерянно смотрела, как я, содрав со стола скатерть, вываливаю на нее все содержимое своего шкафа. В голове мелькнуло воспоминание, что раньше у Софи было много дорогих нарядов, а сейчас остались только эти обноски.

— У нас есть родственники, у кого мы могли бы на время укрыться? — спросила я, шаря по карманам висевшего на спинке стула камзола, хозяин которого дрых на кровати.

Выудила кошель с деньгами, заглянула, взяла два золотых, потом отсыпала еще мелочи. Это мне компенсация за волнения.

Бабушка смотрела на это все огромными глазами и чуть слышно лепетала:

— Нет у нас больше родственников, да ты и сама это хорошо знаешь.

— Жаль. Может, загородный дом какой имеется где-нибудь в деревне?

— Если только усадьба в гнилых топях, что тебе от маменьки по наследству осталась.

— Замечательно, туда и отправимся!

— Но там даже трава не растет!

Мне показалось, что бабушка сейчас рухнет в обморок. Но я деловито завязала вещи в узел и, закинув его на плечо, заявила:

— Трава не растет? Вот и хорошо, полоть меньше будет.

Ну что, пошли теперь за твоими вещами.

Я отлично понимала, что, как только обнаружат пропажу Софи, бабушку тут же выкинут на улицу, а идти ей, как она сама только что сказала, некуда.

Глава 3

Перед тем как выйти из комнаты, я внимательно изучила задвижку, запирающую дверь изнутри.

— Самая простейшая конструкция, — обрадовалась я. — Бабуля, дай-ка мне свой шнурок.

На груди у бабушки болтался небольшой дамский лорнет. Шнурок, на котором он висел, был тонким и, надеюсь, крепким. Сняв с него увеличительную линзу, я вернула ее бабуле, а сама накинула шнурок на рычажок задвижки и, тихонько закрыв дверь, потянула за него на себя. Послышался характерный скрежет, задвижка закрылась.

Я отпустила один конец шнурка и вытянула его наружу через небольшую щель, затем подергала дверь, убеждаясь, что она заперта.

— Зачем ты это сделала? — спросила бабушка, когда я вернула ей шнурок.

— Судя по храпу, этот боров проснется еще нескоро. Утром мачеха придет за оплатой и не сможет открыть дверь. Ей придется ждать, когда он проснется и обнаружит, что меня нет в комнате. Так у нас будет еще немного времени, чтобы успеть скрыться, — пояснила я, не забывая внимательно осматриваться и прислушиваться к каждому шороху.

Не хватало, чтобы нас обнаружили в самый неподходя-

щий момент. Хорошо, что в этой части дома обычно селили слуг, а господские комнаты располагались довольно далеко — на втором этаже.

Бабулю так и вовсе выселили в комнатку, где прежде жила горничная. Узкая каморка, где помещалась кровать, шкаф и тумбочка, заменяющая стол.

Я, недолго думая, поступила как со своими вещами: сдержнула с кровати простыню, вывалила на нее содержимое шкафа. В самом углу заметила висящее на плечиках платье горничной и очень обрадовалась. Ведь я до сих пор была одета только в длинную ночную сорочку, на которой расплывалось огромное алое пятно от пролитого вина.

Платье пришлось впору, бабушка уже без вопросов помогла мне застегнуть целый ряд крошечных пуговичек, а затем натянула мне на голову чепец, пряча под ним мои растрепанные волосы.

За окном начинало светать.

— Надо поспешить...

Я решительно завязала узел с вещами, поторапливая бабушку.

— Подожди! Шкатулка! — словно опомнилась она и, приподняв матрас, вытащила плоскую деревянную коробочку. — Тут грамотка о твоём рождении, — пояснила она, — и документы на поместье «Белое Озеро», доставшееся тебе от матери.

— Бабушка, — я покачала головой, — как они у тебя ока-

зались?

— После смерти Алисии твой отец совсем забросил дела, мне самой пришлось ехать к нотариусу, чтобы получить документы на поместье, которое переходило тебе по праву наследования. Для этого нужна была грамота о рождении, и твой отец дал мне ее. Просто я забыла вернуть, а потом и вовсе не до того стало.

«А бабуля-то не промах», — подумалось мне. Она явно любила внучку и заботилась о ней как могла.

За окном с каждой минутой становилось все светлее, нельзя было больше терять ни минуты. Я взвалила один из узлов на плечо, второй взяла в руку и следом за бабушкой покинула отчий дом, благо комнатка бывшей горничной располагалась сразу у черного входа.

Пройдя через небольшой двор, мы отомкнули калитку и оказались на улице. Несмотря на раннее время, тут уже всю кипела жизнь: женщины в платьях служанок и горничных спешили на рынок или в булочную, чтобы на завтрак у их хозяев было все самое свежее.

Мимо проехало несколько телег, на одной я заметила пустые молочные бутылки и махнула рукой. Молочник остановился скорее из любопытства — две растрепанные женщины с узлами в руках явно привлекали внимание. Так мы далеко не уйдем.

Перекинувшись с мужчиной парой слов, я узнала, что он возит молоко из пригорода, где они с женой держат несколь-

ко коров. Рано утром оставляет полные бутылки на крыльце домов, забирая оттуда пустые. Вставать приходится чуть свет, но куда деваться.

На наше счастье, молочник уже развез весь свой товар и, когда я показала ему пару мелких монет, любезно согласился подбросить нас до пригорода. Пришлось на ходу сочинять легенду, что я работала горничной, а бабушка служанкой и нас выгнала вредная хозяйка.

— Небось у хозяйки муж молодой? — хохотнул молочник. — Трудно тебе с такой внешностью работу горничной найти будет!

Что не так с моей внешностью? Может, я кривая-косая? Или рябая?

Я терялась в догадках, а бабуля вдруг потихоньку сняла свою шаль и накинула мне на плечи, наматывая на шею. Вид при этом у нее был такой жалостливый, что я и впрямь уже думала, что имею на лице какое-то увечье.

Ладно, прорвемся. Тело-то молодое, руки-ноги на месте, значит, и работу найду. Лентяйкой я никогда не была и тут что-нибудь придумаю.

Как и надеялась, на двух сидящих в телеге женщин никто не обращал внимания, так что мы спокойно проехали через весь город. Немного успокоившись и поняв, что погони пока не предвидится, я принялась рассматривать улицы города и его жителей.

«Век девятнадцатый, скорее всего — конец», — пронес-

лось у меня в голове. Неужели меня закинуло в прошлое?

По мощенным булыжником мостовым спешили телеги, повозки и даже кареты. Здания из камня не выше двух этажей, но ближе к пригороду они уступили место небольшим деревянным домикам.

Дамы в нарядах с длинными пышными юбками, господа в сюртуках — я словно попала в старинный роман.

На воротах молочник перекинулся парой слов со стражниками, здесь его явно хорошо знали и даже поинтересовались, кого это он везет.

— Да вот попутчиц прихватил, едут в соседнюю деревню.
— Мужчина сказал название, которое я тут же постаралась запомнить.

Тут позади подоспела еще одна телега, молочник дернул поводья, уступая ей место, и выехал за город. Проехав еще немного, он остановился на развилке.

— Ну все, красавицы, мне туда, а вам, видать, прямо.

Я расплатилась за проезд обещанными монетами и, прихватив узлы с вещами, помогла бабушке выбраться из телеги.

Удивительно, но она даже в такой ситуации выглядела как настоящая дама, с ровной спиной и чуть вздернутым подбородком. Белоснежная блузка заколота под горлышком чуть пожелтевшей камеей. Даже юбка почти не помялась. Ее не портили даже несколько прилипших к одежде соломинок.

— Что теперь? — спросила бабушка, глядя вслед уезжающему молочнику. Она явно уступила лидерство мне, впро-

чем, я не возражала.

— Нам нужно найти место, где можно затаиться и все обдумать. В городе есть только эти ворота?

— Нет, есть еще одни с другой стороны.

— Замечательно! — кивнула я. — Как думаешь, мачеха знает что-нибудь о поместье, куда мы направляемся?

— Исключено! Наследство ты получила еще до ее появления. Не думаю, что твой отец ей что-то рассказывал, сам он там никогда не бывал и этими землями не интересовался. Ведь он не дворянин, просто богатый торговец. Женившись, он взял титул и фамилию твоей матери, потому никакого отношения к ним не имел.

— Стало быть, она не знает, в какую сторону нам нужно. Кстати, а в какую нам нужно?

— В ту. — Бабушка указала на убегающий вдаль широкий тракт.

— Значит, нам повезло, что мы сели именно в эту телегу!

— Но стражники точно запомнят такую приметную деву, да еще с узлами вещей!

Мне снова стало интересно: как же я выгляжу? Прямо настоящая интрига! Вроде когда себя ошупывала, ни бородавок, ни прыщей не почувствовала.

А бабушка тем временем рассуждала:

— Чуть дальше, на перекрестке, есть постоянный двор, там мы можем сесть на проходящий мимо дорожный дилижанс.

— Осталось только добраться до этого постоянного двора!

И я вышла на середину дороги, тормозя очередную повозку.

Возница, молодой парень, тут же остановился и даже помог загрузить на телегу наши вещи. Он всю дорогу улыбался и, кажется, пытался за мной ухлестывать. Мне даже ничего не пришлось ему платить.

С явным сожалением он высадил нас возле постоянного двора и поехал дальше. А мы с бабулей отправились узнавать, когда будет ближайший дилижанс.

Ждать следующего дилижанса пришлось больше двух часов, да и ехал он совсем не в ту сторону, куда нам было нужно. Но я по-прежнему опасалась погони. Из памяти Софи я помнила, что два золотых — это довольно большие деньги, хозяин монет мог попытаться их вернуть. Да и мачеха лишилась крупного заработка, а такие, как она, готовы за деньги на все!

Чтобы не мозолить глаза постояльцам, мы с бабушкой сняли небольшую комнатку, и я первым делом потребовала принести мне зеркало.

Вместо зеркала бойкая рыженькая девица принесла натертый до блеска железный поднос, а вместе с ним кувшин кваса и по куску хлеба с козым сыром. Пока бабушка завтракала, я подошла к окну и приподняла поднос, рассматривая свое отражение.

Голубые, широко распахнутые глаза, аккуратные брови, чуть вздернутый носик и красиво очерченные пухлые гу-

бы. Отражение слегка расплывалось, но даже это не могло скрыть невероятной красоты смотревшей на меня девицы. Миловидное личико обрамляли выбившиеся из-под чепца слегка выющиеся белокурые пряди. Я стянула с головы украшенную кружевом тряпицу и принялась машинально расплетать растрепавшуюся косу.

Видимо, вид у меня был настолько ошарашенный, что бабуля принялась меня утешать:

— Ничего, синяки заживут, главное, что жива осталась, а это мы под шарфиком спрячем!

Только сейчас я заметила, что на моей шее красовался почерневший отпечаток мужской ладони. Горло до сих пор немного саднило, но за всеми перипетиями я о нем как-то позабыла.

Жива осталась...

На меня вдруг накатила такая тяжесть, слезы сами побежали из глаз. Бабушка тут же отложила в сторону недоеденный завтрак, обняла меня и принялась утешать, глядя по голове, как маленькую. А меня словно прорвало, слезы текли не переставая. Наревелась аж до икоты, зато сразу стало легче.

Бабуля заставила меня умыться, поливая над тазиком водой из кувшина, и сунула в руку ломоть хлеба с сыром. Немного перекусив, я принялась приводить себя в порядок. Переплела косу, уложила ее на затылке и убрала под чепец. Шею обернула бабушкиным платком, пряча под ним урод-

ливые синяки.

Напоследок глянула еще раз на свое отражение. После слез лицо припухло, глаза покраснели и превратились в узенькие щелочки. Так даже лучше, на страшненькую девушку никто не обратит внимания, а вот красавицу точно запомнят.

Все та же рыженькая девица сообщила нам о прибытии дорожного дилижанса. На наше счастье, там нашлись свободные места, и, хотя он ехал совсем в другую сторону, я решила, что это даже к лучшему. Если запутаем следы, нас с бабулей точно не отыщут.

Глава 4

Дорога оказалась настоящим испытанием. Этот установленный на колеса деревянный ящик совершенно не имел рессор, и каждый камешек, каждую ямку на дороге мы ощущали тем местом, что пониже спины. Усугубляло положение то, что вместо сидений в дилижансе использовались обычные деревянные лавки. Спустя несколько часов поездки мне уже казалось, что все внутри перемешалось, поменявшись местами.

Словно этого было мало, один из попутчиков, явно любивший по утрам завтракать луком, закусывая его чесноком, делился своим амбре со всеми сидевшими в дилижансе пассажирами.

Дождавшись очередной остановки, я первым делом вывалилась наружу глотнуть свежего воздуха. Земля под ногами покачивалась, слегка мутило, но прохладный ветерок быстро привел меня в чувство.

Я всегда считала себя сильной и независимой женщиной, а оно гляди-ка, избаловала меня цивилизация! А может, все дело в теле Софи? Девушка явно не была подготовлена к таким испытаниям.

— Софи, тебе плохо?

Я обернулась. Бабуля была рядом, в ее взгляде я видела искреннее беспокойство. Она по-прежнему выглядела на-

стоящей дамой, лишь бледное лицо и выступившие на лбу бисеринки пота выдавали, как тяжело дается ей эта поездка. Я тут же устыдилась своей слабости, я-то молодая, а каково ей?

— Немножко укачало, но уже все в порядке. Может, тебе стоит присесть? — Я заозиралась в поисках места, куда можно было бы посадить бабулю.

— Нет, — излишне резко ответила она, — я лучше постою.

Остальные пассажиры рассаживались прямо на редкой весенней травке, развязывали узелки и доставали нехитрый перекус. В основном это был хлеб, сыр и яйца. В животе засосало, я сглотнула слюну и отвернулась. Очень хотелось есть, но еще больше пить.

Я осмотрелась. Мы остановились на краю какой-то деревни. Старое обшарпанное здание — вероятно, местный постоялый двор. Кое-кто из пассажиров устремился внутрь, включая любителя чеснока и лука, но нам там делать нечего.

Дело в том, что на эту поездку я потратила все мелкие деньги, за корсетом платья у меня осталось лишь два золотых. Доставать их здесь, в незнакомом месте, равносильно самоубийству. Две беззащитные женщины с большой суммой на руках вряд ли останутся незамеченными. Мы и так слишком выделялись из этой разношерстной компании деревенских жителей.

Заметив неподалеку колодезный журавель, я чуть слышно

прошептала:

— Как пить хочется...

Бабуля уверенно взяла ситуацию в свои руки и повела меня к деревянному срубу. Вдвоем мы кое-как справились с этим допотопным сооружением, помогло то, что я уже видела такой в той самой экодеревне, где недавно отдыхала.

Достав воды, я предложила сначала напиться бабуле, а потом уже попыталась попить сама. Это было жутко неудобно, я намочила платье и в конце концов просто ополоснула руки и, зачерпнув ладонью словно ковшиком, напилась так.

Вода была очень холодной, руки моментально замерзли, да еще мокрое платье. Теперь весенний ветерок не казался мне уже таким легким и освежающим. Обхватив себя руками, я засунула ладони под мышки, пытаюсь согреться.

Это не укрылось от внимательного взгляда бабули, и она тотчас потянула меня назад к дилижансу. Впрочем, сейчас я и сама была рада вернуться в этот тарантас на колесах.

Бабушка тут же достала из узла свою шаль и накинула мне на плечи. Я уже заметила: стоило мне только показать свою слабость, как она становилась очень милой и заботливой. Но едва я брала ситуацию в свои руки, как в ее глазах появлялась растерянность и излишняя подозрительность.

Я и сама понимала, что мое поведение слишком отличается от забитой мачехой тихони. Рано или поздно бабуля задастся вопросом, что стало причиной столь резкой перемены. Возможно, мне стоило оставить ее в доме и бежать од-

ной, но я совершенно не знала этого мира.

И еще — я на подсознательном уровне относилась к этой пожилой женщине с большой привязанностью и любовью. Видимо, действовали рефлексy прежней Софи. Да и не могла я бросить беззащитную женщину на произвол судьбы, зная, что ей тут же откажут от дома и она окажется на улице.

Значит, нужно придумать приемлемое объяснение, которое устроит и ее, и меня. Возница как раз объявил отправление, так что у меня есть время подумать до следующей остановки.

В этот раз я подготовилась заранее — распотрошила свой узел и постелила на лавку часть вещей, надеясь, что они хоть как-то смягчат сиденье. Увидев, чем я занята, бабушка тут же принялась мне помогать. Она придирчиво копалась в нашем шмотье, вернув одно из постеленных мной платьев назад в узел, бормоча:

— Это приличное, можно еще поносить. А вот это не жалко!

Так что дальше мы ехали в относительном комфорте.

То ли я привыкла к постоянной тряске, то ли сказалаcь бессонная ночь, но вскоре я задремала. Снилось мне странная смесь из наших с Софи воспоминаний, словно мы старались показать друг другу как можно больше отрывков из прежней жизни.

В этих воспоминаниях Софи почти всегда была рядом со своей бабушкой, она словно умоляла меня не бросать этого

дорогого для нее человека. Проснувшись, я знала, что это имя теперь стало моим и прежняя Софи больше никогда не вернется. Даже во сне.

Когда я открыла глаза, в дилижансе царил полумрак. День неуклонно клонился к вечеру.

Моя голова покоилась на груди у бабушки. Я сонно потерлась о ее плечо, она тут же погладила меня по щеке.

— Как долго я спала? Сколько еще ехать? — Голос был чуть хриплым со сна. Сидевший напротив мужчина мазнул по мне масленным взглядом, заставляя выпрямиться и плотнее укутаться в бабушкину шаль.

— Почти приехали, — коротко сообщила бабуля, ей тоже явно не нравился слишком сальный взгляд нашего попутчика.

Кстати, раньше его не было, видимо, сел в дилижанс на одной из остановок. Надо же, как крепко я спала, совершенно ничего не слышала.

Выглянув в окошко, поняла, что бабуля права, мы уже въезжали в пригород. Очень быстро темнело, в окнах домов вспыхивали огоньки свечей и масляных ламп. Не думала, что мы доберемся сюда так поздно! Остро вставал вопрос с ночевкой.

Идти в приличное место — зря тратить деньги, которые нам еще пригодятся. Показывать золотые монеты на постоялом дворе средней руки — слишком опасно.

Вопрос решился сам собой, когда мы прибыли в конечную

точку. Оказывается, здесь имелся вокзал, возле него стояло сразу несколько дилижансов, внутри находились кассы и зал ожидания.

Большое двухэтажное здание было тускло освещено, но, несмотря на это, вокруг сновало множество народа. Похоже, вокзал работал круглосуточно, а значит, мы могли пересидеть тут до утра, а затем уже думать, что делать дальше.

Вслед за остальными пассажирами я подхватила свои узлы и выбралась наружу. Бабуля шла следом. Мне показалось, что она выглядит еще бледнее обычного, или это все тусклый свет масляных фонарей? Я-то проспала полдороги, но отдыхала ли она? В ее возрасте вредны такие потрясения и длительные путешествия, но выбора у нас все равно не было.

С наступлением темноты сильно похолодало, судя по всему, здесь тоже была поздняя весна. Хоть не зима, и на том спасибо. Я предложила бабушке войти в здание вокзала и осмотреться. Она выглядела такой измученной, что сразу же согласилась.

В зале ожидания было сумрачно, масляные лампы освещали лишь узкие окошки кассы. Вдоль стен стояли обычные деревянные лавки, часть из них уже была занята. Я потянула бабушку в самый дальний уголок, тут было совсем темно и пусто.

Нам пришлось развязать узлы и достать теплую одежду — кажется, в каменном здании было еще холодней, чем на улице. Кое-как я смогла уговорить бабулю лечь на лавку, подло-

жив под голову один из узлов. Ей срочно требовался отдых.

— Нужно следить за нашими вещами, на вокзале всегда полно воришек и жуликов, — говорила она. — Не успеешь и глазом моргнуть — облапошат.

— Ложись, я посижу. Полдороги подрыхла, все равно теперь не смогу заснуть.

— Только ни с кем не разговаривай и не знакомься!

— Хорошо, буду сидеть тихо, как мышка!

Некоторое время она противилась, но потом все же уступила и вскоре задремала. Я сидела рядом и пялилась в темноту, а еще у меня появилась масса времени, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию.

К утру у меня сложилось некое подобие плана дальнейших действий. Главное — делать все аккуратно, чтобы не напугать бабулю. Нужно потихоньку подготовить ее к грядущим переменам в моем характере, а пока буду подкидывать идеи так, чтобы она думала, что сама приняла то или другое решение. В крайнем случае сошлусь на случившееся со мной потрясение и побег из отчего дома.

Когда за мутными окнами вокзала забрезжил рассвет, я уже вся извелась в ожидании. Чтобы немного размяться, вставала и ходила возле лавки туда-сюда. Очень хотелось есть, пить, но еще больше — в туалет. Я даже узнала, где он находится, расспросив об этом одного из служащих вокзала.

Тот даже остановился немного поболтать. От него я узнала, что возле здания находится колодец, из которого поят ло-

шадей, а от самого вокзала по городу ездят общественные кареты, но можно нанять и частный экипаж.

Возле вокзала есть несколько таверн, но в них слишком дорого, лучше позавтракать на соседней улице, там и еда вкуснее.

Так я узнала массу полезной информации и, не утерпев, все же разбудила бабулю. Дело в том, что служащий пообещал провести нас в дамскую комнату для господ, не стоило упускать такую возможность.

Подхватив свои пожитки, мы направились следом за веснушчатым парнем в форменной одежде. Он провел нас в другую часть вокзала, разительно отличавшуюся от общего зала ожидания. Тут тоже стояли деревянные лавки, но у них имелись высокие спинки. Здесь было чище и даже пахло по-другому.

— Дамская комната там. Потом тихонько выйдете через эту дверь, а мне пора, работа, — попрощался парнишка.

В дамской комнате никого не было, я тут же закрыла дверь на задвижку и, выкрутив фитиль масляного фонаря, заняла место, к которому так стремилась.

Помимо всего, здесь имелся таз и кувшин с водой, так что мы с бабулей смогли умыться и привести себя в порядок. Узлы перебрали и затянули потуже. Один золотой я отдала бабушке, второй оставила у себя. Сейчас нам перво-наперво нужно разменять деньги и нормально поесть. Как же хочется кофе!

Я предложила бабушке сыграть роль богатой горожанки, а я буду ее горничной. Выберем магазин поприличнее и что-нибудь купим.

Дверь дамской комнаты кто-то подергал. Пора выходить.

Подхватив в обе руки узлы с вещами, я вышла следом за бабушкой, которая в одно мгновение снова превратилась в даму с чуть высокомерно вздернутым подбородком. Ей даже не нужно притворяться богатой горожанкой, это у нее в крови!

Глава 5

Долго шли пешком, в окрестностях вокзала попросту не было магазинов, где с утра без вопросов разменяют большую сумму денег. Спасибо, часть памяти Софи осталась при мне, и я немного ориентировалась в местных денежных знаках.

Двигались медленно, бабуля в силу возраста, мне же мешали узлы с нашим барахлом. Но вот наконец дома стали повыше, квартал — побогаче.

Мы миновали бутик дамского белья, ювелирную лавку, салон шляпок и мужских тростей. В каждом из этих магазинов с удовольствием приняли бы наш золотой, только ничего из этого товара нам не требовалось.

Бабушка придирчиво рассматривала встречающиеся на пути вывески и шла дальше, пока мы не поравнялись с яркой витриной кондитерской. За стеклом, словно дразнясь, лежали кексы и пирожные, по улице плыл аромат свежей сдобы.

— Жди здесь! — велела бабуля.

Выпрямив и так ровную спину, она вошла внутрь. Через большое стеклянное окно я видела, как она подошла к прилавку, долго что-то придирчиво рассматривала. Хорошенькая пухленькая продавщица приторно-сладко улыбалась, предлагая свой товар.

Бабушка что-то сказала, жаль, отсюда было не слышно. Судя по оживившейся продавщице — сделала заказ. Потом

бабуля невозмутимо достала из кошелька монету и положила на прилавок. Продавщица отрицательно покачала головой, видимо, размена у нее не было, но бабуля еще выше вздернула свой аристократический подбородок, явно что-то ей выговаривая.

Девушка несколько раз присела в поклоне и убежала куда-то вглубь кондитерской. Вернулась она не одна, а с дамой постарше. Они перекинулись с бабушкой парой слов, дама взяла монету, покрутила ее, рассматривая со всех сторон, а затем принялась отсчитывать сдачу.

Из кондитерской бабушка вышла с тем же невозмутимым выражением на лице, в руках она держала небольшую, перевязанную розовой ленточкой коробку.

— За мной! — скомандовала она и, не останавливаясь, зашагала дальше по улице.

Подхватив узлы, я кинулась следом.

Бабуля свернула в первый же переулок и там дожидалась меня.

— Как все прошло? — Я даже немного запыхалась.

В ответ она улыбнулась и потрясла характерно звякнувшим кошельком, тут же спрятав его назад в карман.

— Пришлось купить несколько кексов, — кивнула она на коробку в своих руках.

— Вкусные, наверное...

Есть хотелось ужасно. Стоя возле кондитерской, я чуть слюной не захлебнулась. Уже сутки не евши.

— А мы сейчас попробуем!

Бабушка хитро улыбнулась и принялась развязывать ленточку на коробке. Внутри лежали четыре небольших кексика — два с шоколадной помадкой, еще два посыпанные орехами.

Мы стояли посреди улицы и ели кексы. Память подсказывала, что раньше бабушка никогда не позволяла себе подобного. Но в жизни всегда что-то случается в первый раз.

Кексы были очень вкусные, чуть влажные, пропитанные каким-то сиропом. Только очень маленькие, я даже не заметила, как съела свою порцию. Бабуля попыталась подсунуть мне свой кекс, но я призвала всю свою силу воли и отказалась.

— Спасибо, больше не хочу, больно сладкие, — солгала я и отвернулась, чтобы не видеть, как она будет доедать последний кусочек.

Надо сказать, даже от такого крошечного количества пищи на душе сразу стало веселее, даже силы откуда-то прибавилось. Теперь можно было спокойно вернуться в район вокзала, поесть в харчевне, про которую мне рассказал вокзальный служащий, и садиться на следующий дилижанс.

Так мы и поступили. Вернулись знакомой дорогой, правда, сначала перешли на другую сторону улицы. Я время от времени останавливалась поправить узлы, а на самом деле зорко посматривала, не идет ли кто за нами.

Слежки не было, во всяком случае, я ее не заметила. В

столь ранний час посетителей в кондитерской не было, значит, никто, кроме продавцов, не видел, сколько у бабушки денег, и я успокоилась.

В харчевне кормили сытно и недорого. Мы до отвала наелись и немного отдохнули, после чего вернулись на вокзал. Вот тут и случилось первое затруднение: в нужную нам сторону дилижансы попросту не ездили. Добраться до поместья «Белое Озеро» было невозможно даже с пересадками.

— Нанимайте отдельную карету, вам в третье окошко, — безучастно посоветовала кассирша и занялась следующим пассажиром.

В третьем окошке нас терпеливо выслушали, приветливо улыбнулись и назвали сумму, от которой я чуть не поперхнулась. За поездку нужно было выложить половину всех наших денег.

— Что так дорого-то? — вырвалось у меня.

На меня посмотрели с некоторым осуждением и принялись расписывать достоинства поездки в отдельном экипаже, обещая быстроту и комфорт.

— Мы немного подумаем, — пообещала я и отошла от окошка.

В расстроенных чувствах села на лавку и задумалась. Я уже просчитывала варианты поездки на телеге. От деревни к деревне. Пусть дольше, но всяко дешевле, чем в отдельной карете с удобствами.

Бабуля и вовсе выглядела растерянной. Она хорошо себя

чувствовала в знакомой обстановке, но мы с ней уже ступили на неизведанную территорию.

Неизвестно, чем бы это закончилось, но к нам подошел пожилой бородатый мужик и, чуть стесняясь, спросил:

— Я слышал, вам в сторону гнилых болот надобно?

— Да, вы правы, — с замиранием сердца кивнула я. А вдруг попутчик? Тогда сумму поездки можно было бы разделить на несколько человек.

— Мы с женой утром заезжали на рынок, — он кивнул в сторону сидевшей в окружении корзин и узлов женщины, — так вот там слышали, что сегодня из города отправляется обоз, он как раз будет проходить мимо нужного вам места. Если поспешите, вы его еще застанете.

Обоз? Что это такое? Но если нам его советуют, значит, дело стоящее. Я от души поблагодарила равнодушного к чужим проблемам мужика, заодно расспросив, как добратся до рынка.

Подхватив одной рукой узлы, а другой — бабулю, я поспешила в сторону рынка, моля только об одном: чтобы обоз еще не уехал.

Бабушка сильно отставала, поэтому на перекрестке я махнула проезжающему мимо извозчику. Тот окинул нас оценивающим взглядом, явно вычисляя нашу платежеспособность. Видимо, благородный вид пожилой госпожи в сопровождении горничной полностью его устроил, и он остановился.

Запихнув тюки в повозку, я помогла забраться изрядно запыхавшейся бабуле, а потом уже села сама.

— На рынок! Побыстрее, пожалуйста!

Чуть отдышавшись, бабуля вполголоса начала ворчать:

— Зачем нам на рынок? Софи, что ты задумала?

— Попробуем договориться с хозяином обоза, так мы доберемся куда нам нужно без пересадок.

— Но обоз — это же телеги и неотесанные мужики! — еще тише, косясь в сторону возницы, прошептала она.

— Можно подумать, есть выбор! — вздохнула я. — Ты же знаешь, что у нас попросту нет денег на отдельную карету.

После моих слов спина возницы как-то подозрительно напряглась. Когда мы добрались до рыночной площади, он сначала потребовал плату и только после этого позволил нам покинуть повозку.

Эта сцена так возмутила бабулю, что она, отдав ему мелкую монетку, заявила:

— О чаевых можете даже не мечтать, не заслужили!

Она убрала кошель назад в потайной карман юбки и, гордо расправив плечи, зашагала по тротуару походкой вдовствующей королевы. Не перестаю удивляться: как это у нее получается?

Опомнившись, я подхватила узлы и кинулась ее догонять.

Этот рынок был похож на множество других: разношерстная толпа, деревянные прилавки, громкие выкрики торговцев, нахваливающих свой товар, и запахи, множество запа-

ХОВ.

Народа было так много, что я даже немного растерялась.

— И где тут искать обоз?

Заметив мою секундную растерянность, бабуля сразу оживилась и развила бурную деятельность. Она подошла к ближайшему прилавку и обратилась к торговцу:

— Милейший, подскажите, где мне найти обоз? Он должен отправляться в сторону гиблых топей.

— Обоз? Так где обычно, за рынком, рядом со скотным двором, госпожа! — тут же отозвался словоохотливый торговец. — Берите ткани, госпожа, лучшие в городе! Шелк! Бархат! Атлас!

Но бабушка его уже не слушала, скомандовала:

— За мной! — И стала пробираться сквозь толпу.

— Бабушка, подожди! Куда ты?

Я едва поспевала, цепляясь узлами за проходящий мимо народ.

— Скотный двор всегда располагается в самом конце рынка, — пояснила она. — Значит, нам туда!

Очень хотелось посмотреть, чем тут торгуют, но мне приходилось сосредотачивать все внимание на затянутой в темное платье спине бабушки, чтобы не потерять ее из виду.

Неожиданно кто-то попытался выдернуть из моих рук один из узлов, но не тут-то было. Я встретила взглядом с внимательными, чуть прищуренными глазами высокого худого парня. Он еще раз дернул на себя мои вещи, но я заши-

пела рассерженной кошкой:

— А ну, отпусти! А то закричу!

На его тонких губах появилась кривая усмешка, он отдернул руку и спустя мгновение исчез в толпе.

Пожалуй, нужно быть еще внимательнее. Перехватив узел покрепче, я стала догонять бабушку, которая за это время успела уже уйти довольно далеко. Оба узла я теперь прижимала к себе. Оказалось, так пробираться сквозь толпу даже удобнее.

Скотный двор я почувствовала издалека, по запаху. Тут пахло навозом и конским потом, со всех сторон раздавалось мычание, блеяние или кудахтанье. С непривычки меня даже затошнило. Бабуля так и вовсе достала из рукава тонкий батистовый платочек и прижала его к носу.

Лишь когда мы пробрались сквозь целый строй загонов, стало немного полегче. Мы вышли на большой пустырь, где стояло множество телег, повозок и другого транспорта. На многих из них лежали мешки, бочки, какие-то тюки. Рядом с нами загружали несколько клеток с живыми курами. Я подошла к вознице с вопросом об обозе.

— Так вон он, загружается. — Мужик ткнул кнутом в группу телег, стоявших ближе к краю пустыря. Там действительно кипела бурная деятельность, несколько мужчин как раз грузили большие прямоугольные ящики.

Я облегченно выдохнула. Успели! Теперь главное — договориться с хозяином одной из телег, чтобы нас взяли с со-

бой.

Телег было около десятка, большая часть уже была заполнена, лишь возле последних двух еще суетился народ, завершая погрузку. Бабушка оказалась права, в основном это были мужчины, явно селяне. Когда мы подошли ближе, она как-то сникла, словно у нее закончились последние силы. Так что договариваться пришлось мне.

Среди мужчин я сразу же выцепила взглядом двух женщин, к одной из них и подошла, посулив за проезд несколько монет.

Та в ответ только сокрушенно покачала головой.

— Я бы рада, да еще и за деньгу, только места на телеге едва самым хватит. — Она кивнула головой на целую гору мешков, заботливо перевязанных веревкой.

— И много ль заплатишь, красавица?

К нам подошел кудрявый смуглый мужик с окладистой бородой, чем-то смахивающий на цыгана. Его глаза, словно ошупывая, пробежались по моей фигуре.

— Ежели денег не хватит, можем и по-другому договориться, — подмигнул он, явно намекая на более близкие отношения.

— Оставь ее, Тихон! — раздался у меня за спиной строгий мужской голос. — Ты бы лучше за погрузкой следил. Если чего недосчитаюсь, с тебя спрошу!

Улыбка тотчас сползла с губ кудрявого, он как-то разом сник и бочком-бочком ускользнул за телегу.

— Так куда вам, барышня, нужно? — снова слышалось сзади.

Я обернулась и на мгновение замерла. Напротив меня, сложив руки на груди, стоял молодой мужчина. Широкие плечи, даже рубаша и кожаная жилетка не скрывали его накачанные мышцы. Мой взгляд против воли скользнул вниз, к затянутым в узкие кожаные штаны ногам и изрядно пропыленным сапогам.

Усилием воли я заставила себя поднять глаза к его лицу и тут же встретила с чуть прищуренными голубыми глазами, одна бровь была вопросительно вздернута.

Мужик был хорош, чем-то напоминая киношного ковбоя. Или бандита. Не хватало только кнута и пистолета.

Он все еще смотрел на меня, явно ожидая ответа.

— Нам нужно в поместье «Белое Озеро», это рядом с гнилыми топями, — вперед шагнула бабуля, прикрывая меня своей хрупкой фигурой. Видимо, она тоже почувствовала исходящее от этого мужчины чувство опасности.

— Поедете на моей телеге, она самая первая. До поместья три дня пути, у вас собой есть все необходимое?

Он скользнул взглядом по нашим узлам.

— Отправляемся через полчаса, вы можете еще успеть купить что-то из продуктов или теплое одеяло. Ночами бывает еще довольно холодно.

Он показал, куда мы можем положить свои вещи. Затем окликнул сидевшего на соседней телеге молодого паренька:

— Богдан, помоги госпоже... — Он вопросительно глянул на бабушку.

— Се... — успела сказать бабуля, но я тут же ее перебила:

— Это моя бабушка, Селия Муар, а я Софи Муар.

Я решила, что не стоит им знать о нашем дворянском происхождении. Не к чему нам лишние вопросы. Пусть для всех мы будем обычными небогатыми горожанками.

Глава 6

Богдан оказался парнем веселым и общительным. Он сразу же посоветовал нам купить запас хлеба, сыра или вяленого мяса. А еще мешочек крупы.

— Зачем нам крупа? — удивилась я.

— Вечером будем кашу в общем котле варить, так с каждого по две горсти крупы надобно. Хотя можете и хлебом обойтись.

Я прикинула, что ехать нам целых три дня, а питаться одной сухомяткой не очень полезно, горячая пища будет очень кстати.

— Показывай, где можно крупу купить!

Богдан еще больше повеселел и принялся рассказывать о правилах обозной жизни. Помимо двух горстей на каждого человека, еще горсть крупы давали хозяину котелка. Ее ссыпали в специальный мешочек, это было своеобразной платой за посуду и саму готовку обедов. Мужчины традиционно собирали дрова, носили воду и поддерживали огонь, женщины занимались приготовлением еды.

Кроме каши, в дороге варили напиток из трав, что-то вроде чая. Но с травами, благо сейчас не зима, проще. Можно и свежих набрать, главное — знать полезные и не очень.

Значит, нам еще понадобятся чашки, ложки и кружки. Хорошо, что недорогой глиняной посуды на рынке было с

избытком. А вот ложки пришлось брать деревянные — они дешевле.

На ночь обоз останавливался возле реки или вовсе в чистом поле, спали под телегами. Последнее особенно напугало бабулю, она даже не представляла, как можно спать на улице.

Мне было проще, в юности я с друзьями, а затем и с мужем не раз ходила в поход. Палатка, посиделки у костра, каша с привкусом дыма. Так что меня этим не напугаешь! А вот одеяла купить точно нужно, благо Богдан показал, где можно взять совсем недорогие.

К обозу мы вернулись навьюченные многочисленными свертками. Как оказалось, погрузка уже завершилась и ждали только нас.

Все взоры были устремлены в нашу сторону. Кто-то смотрел с любопытством, другие ворчали, что пора ехать, а мы их задерживаем. Мужики помоложе глазели с явным интересом, некоторые даже предлагали место на своей телеге, вдогонку летели довольно специфические шуточки. Не ожидая такого внимания, я опустила голову, чтобы скрыть лицо за оборками своего несуразного чепца.

Возле головы обоза стоял недавний знакомец, который обещал взять нас на свою телегу. Ну как знакомец, имени его мы так и не узнали. Когда подошли ближе, он хмуро глянул на наши покупки, а затем велел:

— Богдан, посади их к себе. Да поскорее, нужно выехать

до полудня.

Парнишка тут же с готовностью кивнул и разгреб немного места в передней части своей телеги. Поверх соломы он постелил наши новенькие одеяла, а затем мы вдвоем помогли бабуле туда забраться.

Как только уселись, первая телега тронулась с места. Богдан тут же дернул поводья, и серая пятнистая лошадка, переступив с ноги на ногу, двинулась вперед.

Следующая телега пристроилась уже за нами, а за ней еще одна. Вскоре вся эта вереница узкими окольными улочками добралась до городских ворот и вырвалась на волю. Лошадки, словно повеселев, прибавили ходу.

Близился полдень, солнышко пригревало почти по-летнему, легкий ветерок обдувал, играя выбившимися из-под чепца локонами. Я была рада, что мы едем в одной телеге с Богданом, парнишка мне очень понравился. Впервые за эти дни я почувствовала себя в относительной безопасности.

Первое время, как мы только отъехали от города, на пути то и дело попадались небольшие деревеньки, но с каждым часом они встречались все реже и реже. На самых крупных перекрестках дорог стояли постоянные дворы, но мы, не останавливаясь, проезжали мимо.

Как ни странно, ехать в телеге, дно которой было устлано толстым слоем мягкого сена, мне понравилось намного больше, чем в дилижансе. Двигались мы не очень быстро, можно было спрыгнуть с телеги и некоторое время идти ря-

дом. Многие так и делали, разминая уставшие от долгого сидения ноги.

Остановились мы только спустя несколько часов возле небольшой речушки, чтобы напоить лошадей, перекусить и справить нужду, благо кустов поблизости было в изобилии.

Бабуля долго выбирала кустики погуще и все не решалась приподнять свои юбки.

— Давай отойдем еще дальше, — предложила она.

— Куда дальше, отсюда и так телег не видно! Не хватало еще заблудиться!

Наконец, поддавшись на мои уговоры, она сделала свои дела, и мы вернулись к обозу. Наши попутчики занимались кто чем: в складных кожаных ведрах носили с реки воду, серпами косили молодую траву и подсовывали ее под лошадиные морды. Некоторые сидели в стороне и жевали куски хлеба, запивая из крынок квасом или просто водой. Кто-то выходил из кустов по ту сторону дороги, которую сразу же обозначили «мужской».

Вот только не все соблюдали это правило. Неожиданно позади нас появился уже знакомый Никифор. Проходя мимо, он маслено улыбнулся, причмокнул губами. Я даже поежилась, неужели подсматривал?

И тут же почувствовала чужой взгляд. Повернула голову и наткнулась на смотревшего в нашу сторону хозяина первой телеги. От Богдана я уже знала, что его зовут Николас, парнишка уважительно называл его «господин Николас».

И телег у него была не одна, а целых четыре. Именно он собрал этот обоз и отвечал за его сохранность. Богдан с восторгом рассказывал, что у Николаса даже оружие есть.

На телегах господина Николаса везли ткани, посуду, свечи, выделанные куски кожи, мешки с крупами и солью. Из-за этого разнообразного набора я решила, что он, скорее всего, торговец средней руки и закупил это все, да еще в таких количествах, для своей торговой лавки.

Я мало себе представляла жизнь в небольшой деревеньке, но раз туда везут мешки с крупами, значит, бабушка права и в тех землях большие проблемы с урожаем.

В очередной раз в мою душу прокралось сомнение: правильно ли мы делаем, направляясь в гиблые топи? Может, нужно было оставаться в большом городе? Там и работу найти проще.

Я тряхнула головой, отгоняя колебания. В любом случае нужно взглянуть на доставшуюся мне по завещанию собственность, а потом уже решать, как поступать дальше.

Предложив бабушке перекусить, я расстелила прямо на траву одно из одеял, усевшись и с удовольствием вытянув ноги. Бабуля тут же сделала мне замечание, что леди себя так не ведут.

— Бабушка, думаю, тут всем совершенно безразлично, как я себя веду. Садись, тебе нужно расслабиться, дорога дальняя, и не стоит отказывать себе в относительном комфорте.

Бабуля поджала губы, но все же села рядом, соорудив из кусочка хлеба и сыра небольшой бутерброд. Ела она аккуратно, не уронив не крошки. Я поймала себя на том, что люблю ее отточенными плавными движениями. Даже тут, в открытом поле, она оставалась настоящей леди.

Передышка закончилась, и все снова уселись на телеги, отправляясь в путь. Пейзажи, которые я поначалу с интересом рассматривала, вскоре приелись. Навалилась усталость. Даже Богдан перестал развлекать нас рассказами, видимо, тоже устал. Однообразное размеренное движение укачивало, и я время от времени впадала в полудрему.

День плавно катился к вечеру, когда телеги вдруг стали набирать скорость.

— Нужно успеть добраться до стоянки, пока не стемнело, — пояснил Богдан.

Вероятно, у хозяина обоза были свои облюбленные места. Лишь позднее я поняла, что места стоянок выбирались не просто так. Вот и в этот раз мы остановились на ночлег возле небольшой рощицы. Здесь можно было найти дрова для костра, а между камней бил небольшой студеный ключ.

Телеги были собраны в большой круг, лошадей выпрягли и, стреножив, отправили пастись. Пока совсем не стемнело, часть мужчин направились в рощу за дровами. Еще несколько человек пошли за водой. Дело это оказалось небыстрое, родник был совсем крошечный, теряясь в траве небольшим ручейком. А ведь требовалось приготовить ужин и напоить

лошадей. Да и с собой запас воды тоже не помешает.

На стоянке остались одни женщины. Тетушка Василина, та, к которой мы изначально просились на телегу, достала большой прокопченный котел, деревянную ложку на длинной ручке и пустой холщовый мешочек.

К котлу прилагались два железных прута с рогулинами на конце и толстая перекладина. Я сразу поняла, что рогулины нужно воткнуть в землю там, где будет разведен костер, а на перекладину повесят котел.

— Наталка, чего встала, помогай! — прикрикнула тетушка Василина на свою более молодую спутницу.

Та уперла руки в боки и заявила:

— А что я? Пусть вон новенькие покажут себя, а то любят все на дармовщинку прокатиться!

Только сейчас до меня дошло, что мы так и не заплатили за свой проезд на телеге. Более того, я даже не знала, сколько это будет стоить! Может, поэтому Николас так сердито зыркает в нашу сторону и хмурит брови?

Пока я прокручивала это в голове, бабуля засучила рукава и подошла к тетушке Василине.

— Говорите, что нужно делать!

Вместе мы установили рогулины в указанном тетушкой месте, к этому времени как раз вернулись мужчины с первой партией дров и водой. Все они молча подходили к котлу, высыпали по три горсти крупы в лежащий рядом мешочек и снова уходили заниматься делами.

Николас сам сложил костер и запалил огонь. Сразу же терпко запахло дымом, пламя весело затрещало, пожирая сухой хворост, переползая на поленья.

Тетушка своей рукой отсыпала в котелок пшена, я плеснула туда воды и, немного поболтав, пошла сливать.

— Это ты зачем делаешь? — снова прицепилась Наталка.

— Промыть надо, а то каша горькая будет, да и грязная ведь крупа, — пояснила я.

— Ты глянь на нее, крупа у ей грязная! Прямо бояре какие, каша ей не такая!

— Ох и вздорная ты девка, Наталка, — покачала головой тетушка Василина. — Гляди, никто замуж не возьмет!

— А мне абы кто и не нужен!

Девушка крутанулась, хлестнув по ногам подолом узорчатой юбки, и пошла прочь.

— Вы на нее не обижайтесь, это она злится, что ты нашим мужикам приглянулась. Она ж у нас первой красавицей слывет, вот и на господина Николаса глаз положила. Только он никогда ее замуж не позовет, не ровня она ему. Так и просидит в девках, а когда схватится — поздно будет, — вздохнула тетушка Василина, ловко вешая котелок на перекладину и доливая туда воды.

— Посолить надобно, — напомнила бабуля.

— Эт я щас. — Тетушка отошла к своей телеге и вернулась с небольшим мешочком соли.

Возле костра запнулась за хворостину, взмахнула руками,

но я вовремя успела подставить ей плечо.

— Ох, чуть не рассыпала! Вот бы мой дед заругался! Соль нынче все дорожает и дорожает!

Она посолила кашу и унесла мешочек к телеге, а бабуля подозвала меня и вполголоса велела принести из наших припасов вяленого мяса.

— Кидай в котелок, так хоть навара немного будет. Мужикам мясо нужно, одной кашей не прокормишь, — учила она меня.

Вскоре над поляной поплыл ароматный мясной дух. Возвращающиеся к костру мужики поводили носами и с нетерпением косились в сторону котелка.

С каждой минутой становилось все темнее и прохладнее. Ночная мгла словно отрезала нашу стоянку от остального мира. Костер теперь казался средоточием жизни, маня к себе.

Каша сварилась, бабуля подцепила немного большой ложкой, подула, а затем, попробовав, кивнула. Тетушка Василина тут же скомандовала:

— Берем чашки, подходим по одному. А ты куда прешь? А ну, встань в очередь! — Она замахнулась поварешкой на прыткого мужичка, пытавшегося пробраться ближе к котелку. — Господин Николас, это вам!

Первую миску каши она передала хозяину обоза, хотя тот ни в какую очередь вставать даже не думал. Затем свою порцию получили и все остальные. Последними миски с кашей

взяли мы с бабушкой. Присоединяясь к остальным, уселись на одеялах возле костра. Есть деревянными ложками было немного непривычно, но я так проголодалась, что не обращала на это внимания.

— М-м-м, вкусно-то как, — с полным ртом прошамкал один из мужиков. — Тетка Василина, ты пошто раньше так не готовила?

— Дак я сегодня и не готовила, это все Софи и госпожа Селия.

Теперь комплименты полетели уже в нашу сторону, одна Наталка презрительно фыркнула и отвернулась, кашу, правда, есть не перестала.

Пока все ели, тетушка Василина успела помыть котел, снова налить воды и повесить над огнем. В котел она бросила листочков полевой мяты, что в изобилии росла возле родника, и веточек смородины, которые кто-то из мужчин принес из подлеска.

Пужинав, долго пили ароматный чай, слушая потрескивание костра и стрекот сверчков. Первым поднялся Николас, с ним ушли еще несколько человек. Двое в охрану, еще один — следить за лошадьми.

Остальные тоже начали расходиться и устраиваться на ночлег. Стоило только отойти от костра — и нас тут же окутала ночная прохлада, пробираясь под одежду. Богдан бросил нам охапку душистого сена, сказав, что будет спать под другой телегой.

Постелив одно одеяло поверх сена, мы с бабушкой легли, тесно прижавшись друг к другу и накрывшись вторым одеялом. Несмотря на усталость, я еще долго не могла уснуть, прислушиваясь к каждому шороху. А вот бабуля, хоть и боялась ночевать в открытом поле, почти сразу засопела, провалившись в сон.

Глава 7

К утру я основательно продрогла, поэтому приготовленный тетушкой Василиной чай стал настоящим спасением.

Возле дгорающего костра уже сидело несколько сонных мужчин. Я обхватила ладонями кружку с горячим ароматным напитком и села рядом. Столько лет проработала в мужском коллективе, что это произошло само собой.

Солнце едва позолотило верхушки деревьев, из ближайшей рощицы раздавались многоголосые птичьи трели, обещающая погожий денек.

Выпив чаю и наскоро перекусив, мужики отправились за лошадьми. Поняв, что сейчас тех будут запрягать в телеги, я быстро допила кипяток и пошла будить бабушку.

Она, чуть постанывая, на четвереньках, выбралась из-под телеги, а когда поднялась на ноги, поморщилась, разгибая спину. Видимо, сон на голой земле не прошел даром.

Набросив ей на плечи колючее, но очень теплое шерстяное одеяло, я отвела бабулю к костру и вручила в руки кружку с чаем, а сама вернулась к телеге, достала второе одеяло и кучку сена, на которой мы спали, и уложила все это на подводу.

Богдан уже привел с луга нашу лошадку и возился с кожаными ремнями сбруи.

— Помочь? — предложила я.

— А ты умеешь?

— Нет, — качнула я головой, — но ты же меня научишь?

Паренек широко улыбнулся и принялся подробно рассказывать и показывать, как запрячь лошадь в телегу. Это оказалось не так уж просто, но очень увлекательно.

Лошадка, чуть скосив на меня блестящий глаз, терпеливо, почти не шевелясь, наблюдала, как я под руководством Богдана креплю дугу, сначала соединяя оглоблю и хомут гужами с одной стороны, а затем повторяю то же самое с другой.

Неподалеку Николас возился со своей упряжью и косил в нашу сторону глазами не хуже той самой лошадки. А ведь я так и не поговорила с ним насчет оплаты. Может, сейчас? Но меня отвлек Богдан, а когда я освободилась, Николаса рядом уже не было.

Мы помогли бабуле забраться на телегу, и уже вскоре обоз выехал на тракт, отправляясь в дальний путь. Поначалу мы с бабушкой жались друг к другу, делясь своим теплом, но с каждой минутой солнышко припекало все сильнее.

Оставив одеяло бабуле, я перебралась ближе к Богдану, наблюдая, как он управляет лошадей. Раньше я с удовольствием управляла любой попавшей в мои руки машиной, но, раз тут из транспорта лишь лошади, стоит освоить и это умение. Жизнь научила меня быть самостоятельной. Для меня самостоятельность равна независимости.

Управлять лошадей оказалось совсем не сложно, следовало лишь потянуть повод в нужную сторону. А в обозе ло-

шадка и вовсе сама следовала за предыдущей телегой, оставалось только следить, чтобы она не свернула на обочину, соблазнившись пышными кустиками придорожной травы.

Богдан даже разрешил мне «порулить», а когда понял, что у меня отлично получается, решил немного подремать. Он, как и все мужчины обоза, дежурил этой ночью, присматривая за лошадиным табуном.

— Только если что, сразу буди, — велел он, сворачиваясь калачиком, и тут же заснул.

Так что я до самого обеда была занята, забыв про скуку.

После полудня мы добрались до очередной реки и остановились на отдых. Богдан давно уже проснулся и сидел рядом. Он позволил мне самой «припарковать» лошадку, которая послушно остановилась, стоило мне правильно потянуть за повод.

Справившись, я радостно улыбнулась и тут же ощутила на себе взгляд льдисто-голубых глаз Николаса. Он снова нахмурился, подозвал к себе Богдана и начал что-то вполголоса ему выговаривать. Надеюсь, не ругал за то, что парнишка позволил мне управлять лошадью. Тот что-то эмоционально говорил в ответ, оба снова смотрели в мою сторону.

Я передернула плечами, у меня от взгляда Николаса мороз пробежал по коже.

Стоянка была недолгой и, как пояснил Богдан, нужна была по большей части, чтобы напоить и накормить лошадей.

Настроение у парня по-прежнему было отличным, поэто-

му я не стала спрашивать, что ему там говорил Николас. Возможно, меня это и вовсе не касается, а я напридумывала себе всякого. Лучше помогу бабушке.

Я видела, как бабуле тяжело дается эта поездка, но она даже не думала жаловаться. Мало того, она старалась никому не показывать своей усталости. Предложила ей немного прогуляться, чтобы размять ноги, а еще меня беспокоила ее спина, поскольку я заметила, что при некоторых движениях бабушка непроизвольно замирает и морщится.

Вскоре к нам присоединилась тетушка Василина. Женщиной она была тучной, долгое сидение на телеге и ей давалось непросто. Неожиданно пожилые женщины нашли общую тему для разговора. Оставив их вдвоем, я разыскала Богдана, который как раз нес нашей лошадке большую охапку травы, и спросила, не сможем ли мы немного передвинуть лежащие на телеге тюки так, чтобы бабушка смогла прилечь.

— Сейчас что-нибудь придумаем, — пообещал парень.

Потому вместо отдыха мы принялись перекладывать закрепленную на телеге поклажу. Тюки только на вид казались легкими, на самом деле весили они немало. Когда я попыталась поднять один из них, меня мягко, но настойчиво отстранили в сторону.

— Спасибо. — Я вскинула голову, чтобы поблагодарить того, кто решил мне помочь.

К моему удивлению, это оказался Николас. Он легко, словно тюки ничего не весили, переложил их в другую часть

телеги, велев Богдану хорошенько закрепить их веревкой. Я некоторое время смотрела на его работу, даже забыв прикрыть рот, но потом опомнилась, понимая, что сейчас лучшее время спросить об оплате проезда.

— Николас, — подошла я к мужчине, когда он спрыгнул с телеги, — сколько мы вам должны за проезд? Простите, что не спросила об этом сразу, вы были заняты, не хотелось вас отвлекать.

Он окинул меня взглядом с головы до ног, словно прикидывая цену не проезда, а меня самой, а потом буркнул:

— Поговорим об этом, когда доберемся до места.

После этого резко развернулся и пошел прочь. Станный он, нелюдимый какой-то. Хотя с мужиками вроде общается. Может, он только с женщинами такой?

В это время к Николасу подошла Наталка и, немного кокетничая, о чем-то заговорила. Тот коротко что-то произнес и направился к реке. Девушка обернулась, зло зыркнула в мою сторону и побежала его догонять.

Точно! Женоненавистник, решила я. Может, его кто из девушек обидел и он теперь злится на всех без разбора? Впрочем, это не мое дело, просто постараюсь реже попадаться ему на глаза.

Бабуля сначала наотрез отказывалась ложиться на приготовленное для нее местечко, повторяя, что лежать в присутствии посторонних — дурной тон.

— Бабуля, после того как ты спала под телегой, про это

можно и вовсе забыть, — напомнила я. И она сдалась.

Я подложила ей под голову узелки с нашими вещами, рядом положила второе одеяло — если станет прохладно, она сможет им укрыться.

— Так удобно? А спине? — спрашивала я, подгребая по бокам больше мягкого душистого сена. — Надоест лежать — всегда можешь сесть.

Наша задумка оказалась очень удобной. Когда бабушке наскучило лежать, ее место заняла я, а потом Богдан, который решил немного вздремнуть перед ночной остановкой, ведь ему снова предстояло пасти лошадей.

Я уже вполне уверенно управляла телегой, изредка покрывая на лошадку, когда она слишком замедляла ход или, наоборот, шла быстрее, пытаюсь ухватить торчащий с идущей впереди подводы пучок соломы.

Единственное, что мне мешало, — это длинная многослойная юбка. Благодаря памяти тела, я о ней почти не вспоминала, но иногда путалась в подоле и с удовольствием задрала бы его повыше, но в этом мире так не принято. Придется привыкать.

Вторую половину дня мы ехали через лес, а вскоре добрались до гор. Они словно надвигались на нас, закрывая горизонт, становясь все больше и выше.

Дело близилось к вечеру, когда вдруг позади раздался шум, грохот падающих ящиков, а затем и громкая ругань. Передняя телега резко затормозила, я едва успела натянуть

поводья, останавливая свою лошадку. Мимо, держа в руках ружье, пронесся Николас.

От резкого толчка и шума проснулся Богдан, сонно хлопая глазами и не понимая, что происходит.

— Что случилось?

— Не знаю, — пожала я плечами. — Что-то загромыхало, и все остановились.

— Сейчас посмотрю. — Паренек спрыгнул с телеги.

Я тоже не усидела и, передав вожжи бабуле, пошла следом. Все оказалось до банального просто: у одной из телег отвалилось колесо. Судя по всему, это была телега Никифора. Он стоял, опустив голову, а рядом ругался Николас.

— Я же велел проверить телеги перед отправлением!

— Я все проверил, ось была крепкая, — оправдывался Никифор.

— Запасная ось есть?

— Нету, — развел руками мужик.

— Теперь мы не успеем добраться до места стоянки! Как назло, поблизости ни одного села.

— Это все они. — Никифор вдруг ткнул пальцем в мою сторону. — Сглазили!

— А я говорила, что она ведьма, — тут же в мужской разговор влезла Наталка. — Нечего было ее с собой брать!

Николас посмотрел на меня, на Никифора и тяжело вздохнул.

— Будем вставать на ночлег тут. Петро, Тихомир, осмот-

ритесь, ищите воду, — принялся он раздавать указания.

Все вернулись к своим телегам и направили их в сторону от тракта. Местность здесь была очень неровная, усыпанная мелкими камнями, так что уезжать далеко не стали, лишь освободили дорогу на случай, если мимо поедет кто-нибудь еще.

Глава 8

Я помогала Богдану распрягать нашу лошадку, та стояла смирно, лишь изредка помахивая хвостом, отгоняя мошек. Когда паренек снимал сбрую с ее головы, она ласково прикусила его за рукав, явно понимая, что сейчас пойдет отдыхать.

Телеги снова выстроились в круг, насколько это было возможно. Лица наших спутников выглядели обеспокоенными, они то и дело поворачивали головы в сторону оставшейся на дороге сломанной телеги.

Но несмотря на это, все четко знали свои обязанности. Несколько мужчин занялись поиском дров для костра, а с этим наблюдались большие трудности, крупных деревьев поблизости не было, лишь камни да редкий кустарник покрывали здешние места.

С водой было еще хуже, ни рек, ни даже крохотных ручьев здесь не наблюдалось.

Я видела, как вернулись посланные на поиски воды Петро и Тихомир, как они долго о чем-то разговаривали с Николасом, затем обошли все телеги, собирая бурдюки и другую посуду, которую можно было закупорить, потом, взяв двух расседланных лошадей, ускакали в сторону гор.

Я помогла бабуле спуститься с телеги и устроила для нее удобное местечко возле колеса, положив на землю охапку сена и наши одеяла, а сама пошла помогать Богдану.

Паренек косил траву серпом, а я собирала ее в большие охапки и относила туда, где мы разместили лошадей. В этот раз далеко на выпас отпускать их не стали, собрав в небольшой табун возле самого лагеря.

Трудились все, кроме Никифора, сокрушенно нарезавшего круги вокруг своей телеги, и Николаса, который тщательно осматривал отвалившееся колесо.

Я внимательней присмотрелась к ходовой части нашей телеги. А ведь устройство колеса не настолько просто, как кажется! Сама ось — поперечная перекладина, что крепится к днищу телеги, — состояла из двух толстых деревянных брусьев, один из которых сужался на концах. Эти концы оси круглые и обиты железом, именно в этом месте крепится колесо.

Ось телеги Никифора сломалась в самом уязвимом месте — где кончается железная обертка оси, переходя в открытое дерево. В голове по привычке сразу же стали прокручиваться варианты возможного ремонта. Вот только боюсь, тут мало что можно сделать, единственный выход — менять всю нижнюю часть оси. Только где ее тут взять?

Сделать новую ось без крепкого дубового бруса и нужного инструмента практически невозможно. Да и дело это явно небыстрое.

Я носила охапки травы, а мозг все продолжал анализировать создавшуюся ситуацию, пытаюсь найти оптимальные пути решения. В конце концов я не выдержала и под осуждаю-

щим взглядом Наталки направилась к сломанной телеге. Хорошо, что бабуля сидела ко мне спиной и ничего не видела.

— Чего приперлась? — раздраженно буркнул Никифор.

Ему явно нужно было на кого-то слить свою злость, а тут я как раз подвернулась. Не обращая на него никакого внимания, подошла к Николасу и вполголоса спросила:

— Могу я с вами поговорить?

— Что-то срочное? — Он поднял голову, взглянув на меня. — Я немного занят.

— Именно об этом я и хотела с вами поговорить. — Покосившись на злого Никифора, я добавила: — Только давайте немного отойдем в сторону. Или пусть он уйдет, — кивнула я на хозяина телеги.

— Да ты... — взвыл тот, но Николас его тут же осадил:

— Действительно, толку от тебя никакого, иди другим помоги.

В глазах мужчины промелькнуло любопытство, которое тут же скрылось под напускной суровостью.

Никифор, чертыхаясь и бросая в мою сторону злые взгляды, ушел, оставив нас одних. А я, не теряя времени, склонилась над сломанной осью.

Все как я и думала. Видавшая виды ось телеги была очень старая, дерево давно потеряло былую твердость, а кое-где и вовсе подгнило. Железо в месте соединения с деревом прожавело, что, скорее всего, и послужило причиной поломки.

Я выпрямилась и спросила внимательно наблюдавшего за

мною Николаса:

— Могу я узнать, что вы собираетесь делать?

— Нам придется задержаться тут, пока не починим, я отвечаю за каждую телегу в этом обозе и никого не брошу. Это вы хотели услышать? Если пожелаете пересесть на попутную подводку, я не буду вам мешать. Только хочу предупредить: путешествовать в этих местах двум одиноким женщинам совсем не безопасно.

Я отрицательно покачала головой:

— Ваше общество меня вполне устраивает, я лишь хотела по возможности помочь.

— Помочь? Вы?

— А почему нет? Вы отнеслись к нам с пониманием, взяли в свой обоз.

— И что вы предлагаете?

— Я так понимаю, в походно-полевых условиях поломку устранить будет довольно затруднительно, если только у вас с собой нет запасных частей.

Я вопросительно глянула на внимательно слушавшего меня мужчину. Он мотнул головой.

— Значит, запчастей нет. Считаю, для начала нужно разгрузить телегу. Даже на глаз тут виден перевес. Это придется делать в любом случае, иначе ось просто не починить. Можно распределить ящики отсюда между всеми телегами обоза, это уберет часть проблемы. Далее я вижу два пути решения вопроса. Первый — послать кого-нибудь в ближайшее

селение за новой осью и самим установить ее. Второе — найти что-то подручное, что заменит сломанную ось и позволит всем обозом добраться до ближайшей деревни.

— Чем можно заменить ось? — хмыкнул Николас.

— Да хотя бы ломом или другой железной палкой, — пожала я плечами. — Есть у вас что-то подобное?

Николас долго смотрел на меня изучающе, словно видел впервые. А потом кивнул:

— Найдём!

Кивнула в ответ и, развернувшись, пошла в сторону лагеря. Я все сказала, решать ему.

Стоило высказаться, на душе стало легче. Освободив голову от сложной задачи, я теперь могла спокойно заняться чем-нибудь другим.

Вернулись всадники и привезли немного воды, которую придется очень экономить. Перелив ее в ведра, чтобы напоить лошадей, они ускакали снова, стараясь успеть дотемна. Вечер надвигался медленно, но неотвратимо.

Николас собрал всех мужчин, и они вместе принялись разгружать телегу Никифора, перетаскивая ящики ближе к лагерю.

Теперь освобожденную от груза подводу можно было убрать с дороги, что они и сделали. После распрягли лошадь и отправили к остальным — отдыхать, она и так натерпелась, удерживая вес немалого груза.

Затем каждый принялся копаться в своих вещах, выиски-

вая любые железные предметы, которые могли бы хоть на время заменить поломанную ось.

Я как раз возвращалась еще с одной охапкой травы, когда меня позвал Николас. Он показал мне собранные в кучку железяки.

— Что, по-вашему, может подойти для ремонта?

Я наклонилась, внимательно рассматривая каждую из железок. Отобрала и отложила в сторону три, которые, на мой взгляд, подходили больше всего. Теперь нужно проверить их на прочность, ведь новая ось должна выдерживать довольно приличный вес.

В результате выбрала одну, с утолщением на конце, похожую на огромный гвоздь. Сделала я это неспроста: утолщение будет удерживать колесо, чтобы то попросту не свалилось с новой оси.

Все это я пересказала Николасу, ему только осталось надеть на эту железяку колесо и закрепить все это на остатках старой оси с помощью кожаных ремней и веревок. Ну, тут уж он сам справится, а я вернулась в лагерь.

Посреди поляны высилась горка сухой травы и ветвей кустарника, мужчины собирали все, что может гореть, с каждым разом уходя все дальше и дальше.

Бабуля с тетушкой Василиной занялись ужином, Наталка демонстративно их игнорировала, делая вид, что собирает хворост. Впрочем, без нее было даже спокойнее.

Промыв крупу, бабушка в этот раз сливала воду не на зем-

лю, а в ведро, из которого поили лошадей. Тетушка Василина тем временем пыталась установить рогатины для котелка, вот только земля была настолько каменистой, что у нее попросту не хватило сил их глубоко воткнуть, пришлось звать на помощь.

Пока крупа набухала, я занялась костром. Укладывала на кострище хворост, чередуя с сухой травой, и, кажется, перестаралась. Тетушка выбила кресалом несколько искр, трава тут же вспыхнула, а за ней и сухие сучья. Огонь взметнулся высоко вверх, быстро пожирая и так скудные запасы дров.

Поняв свою ошибку, я стала подкидывать в костер небольшие пучки травы и хвороста, стараясь удерживать ровное пламя. Скоро вода в котелке закипела, и тетушка Василина добавила к крупе пластинки вяленого мяса, которые заблаговременно собрала со всего обоза.

Кто-то пытался противиться, но она быстро поставила их на место, напомнив, что вчера все ели кашу с мясом и нахваливали. Вскоре над лагерем поплыл такой аппетитный аромат, что все невольно поворачивали головы в сторону котелка.

Ужинали, когда землю уже накрыли вечерние сумерки. В этот раз обошлись без чая, всю воду отдали лошадям — им нужнее. Поэтому доедали кашу, протирали тарелки кусочком хлеба и уходили к своим телегам устраиваться на ночлег.

Костер почти прогорел, я подкинула в огонь еще одну охапку хвороста, только перед этим взяла палку и вытащила

из углей и золы несколько плоских камней. Я собрала их, когда ходила за травой, принесла в лагерь и положила на место будущего кострища.

Камни напитались теплом от костра и были очень горячими. Затолкав несколько штук в свою миску, я отнесла их к месту нашей ночевки, разложила на земле и прикрыла сеном. Ходить туда-сюда пришлось целых три раза, зато теперь у нас с бабулей вышла лежанка с подогревом. Я очень надеялась, что это поможет ее больной спине.

Сегодня все очень устали, и вскоре в лагере воцарилась тишина. Бабуля засопела почти сразу, а за ней задремала и я.

Глава 9

Сквозь сон мне почудился какой-то шум. Просыпаться ужасно не хотелось, поэтому я только натянула одеяло повыше. Но уже в следующее мгновение глаза сами собой распахнулись — совсем рядом раздался громкий протяжный вой.

Я испуганно дернулась и вскочила, ударившись головой о днище телеги. Совсем забыла, что она служит для нас своеобразной крышей.

— Да чтоб тебя! — сквозь зубы прошипела я, потирая ушибленное место и замирая, потому что вой раздался снова.

В ответ послышалось встревоженное лошадиное ржание. Вышедший на охоту ночной хищник напугал не только меня.

Что-то вцепилось мне ногу, от неожиданности я чуть не взвизгнула.

— Софи, просыпайтесь! — послышался обеспокоенный голос Богдана.

— Кто это? Что происходит? — прошептала я.

— Шакалы!

— Они опасны?

— Только если их много.

— А этих много?

Мой вопрос повис в воздухе, потому что ответом на него было многоголосое завывание и тявканье, которое теперь до-

носились со всех сторон.

— Много... — сама же вынесла вердикт. — Что нужно делать?

— Заберитесь на телегу как можно выше, — велел Богдан и кинулся к соседней подводе будить остальных.

Я тоже не стала медлить, растолкала бабулю и помогла ей забраться на телегу, укутала одеялами, не забывая при этом поглядывать по сторонам. Лагерь уже проснулся, мужчины один за другим исчезали в темноте, возвращаясь с лошадьми. Табун собирали в самый центр защищенного телегами круга.

Глаза немного привыкли к темноте, я смогла разглядеть, что тетушка Василина и Наталка уже сидят на телегах, поджав ноги. А вот мужчины явно собирались держать круговую оборону, беря в руки серпы и длинные палки.

Настоящее оружие было только у Николаса и Тихомира, широкоплечего бородатого мужика с огромными ручищами. Боюсь только, толку от их ружей будет совсем мало, особенно если животные решат нападать сразу всей стаей.

Скольких мужчины успеют убить? Одного? Двух? У них же не автомат, а, насколько я рассмотрела, что-то вроде довольно примитивного карабина.

Палки — тоже так себе оружие. Серп — это уже серьезнее, но воспользоваться им можно только на очень близком расстоянии, когда хищник уже готов в тебя вцепиться. И это еще опаснее. Поддавшись панике, человек обычно начинает

размахивать холодным оружием в разные стороны и может поранить и себя, и своих товарищей. Я во время службы мужа в войсках всякого насмотрелась.

Ночь лишь усугубляла эту опасность, притаившийся в темноте враг опасен вдвойне. Тем более у него есть преимущество — ночное зрение. А у нас костер давным-давно потух.

Я попыталась вспомнить, не осталось ли немного хвороста, но на месте бывшего кострища топтался табун лошадей. Нечего было даже думать что-то там обнаружить — затопчут. Нужно придумать что-то еще.

Отыскав в толпе Богдана, я кинулась к нему:

— Мне нужен жир или масло, все, что может гореть!

— На моей телеге есть бутылъ, — кивнул он.

— Давай скорее, и твою палку тоже!

Пока он разыскивал среди тюков бутылку с маслом, я вытащила из своего узла кусок грубого полотна — кажется, это была юбка — и принялась плотно обматывать им один конец палки, закрепляя все прочной бечевой.

— Лей! — велела Богдану, подставляя обернутый тканью конец. — Давай-давай, чтобы хорошенько пропиталось!

Парень старательно размазывал масло по ткани, а я, обернувшись, крикнула:

— Тетушка Василина, мне нужно ваше огниво!

Спустя минуту высекаемые огнивом искры упали на пропитанную маслом ткань, и мой самодельный факел вспых-

нул, медленно разгораясь.

— Держи, — я сунула древко в руки изумленного парнишки, — а мне нужно к бабушке.

Только далеко отойти я не успела, возле нас словно по волшебству появился Николас. Окинув факел внимательным взглядом, он коротко спросил:

— Можете сделать еще?

— Мне нужна мешковина, масло и любая длинная палка, — кивнула я.

Богдан передал свой факел одному из мужчин, а сам принался мне помогать. Вскоре было готово еще три факела, они ярко горели, рассекая пламенем темноту.

В ответ ночная мгла смотрела на нас десятками светящихся хищных глаз. Извечный страх перед горящим огнем заставил шакалов отступить, но не уйти. Они взяли лагерь в кольцо, терпеливо дожидаясь от нас любой, даже самой маленькой ошибки. Время от времени животные запрокидывали головы, и к небу летел протяжный вой, рассыпаясь по телу сотней холодных мурашек.

— Чего они ждут? — шепотом спросила я Богдана.

— Когда мы устанем, — в ответ неожиданно послышался голос Николаса. — Хищники обычно выбирают самую слабую цель, а потом терпеливо выжидают, когда она отобьется от своих, тут-то они и нападают сразу всей стаей.

— Значит, они не уйдут?

— Почему же, уйдут, когда поймут, что мы сильнее. Но

сначала попытаются еще раз напасть.

— Но факелы... животные же боятся огня!

— Голода они боятся больше. Часто он бывает сильнее страха или разума, толкая на необдуманные поступки.

Я кивнула, прекрасно понимая, о чем он говорит.

— Вы хорошо стреляете? У вас так мало оружия... Может, выстрелы отпугнут их?

— Боюсь, запах крови их только раззадорит.

— Тогда вам следует лучше подготовиться.

— Что вы имеете в виду? — В голосе Николаса проскользнули нотки любопытства.

— Серпы, ими можно убить, но только на очень близком расстоянии. Не лучше ли привязать их на палки? Это позволит держать некоторую дистанцию. В такой ситуации даже заостренные колья и то лучший вариант.

— Забирайтесь-ка вы на телегу, кажется, у их вожака заканчивается терпение, — посоветовал Николас. — Богдан, присмотри за женщинами!

Вернувшись к бабушке, я с удовлетворением заметила, как Николас подходил к некоторым из мужчин, те кивали и принимались прикручивать свои серпы к палкам шнурками или бечевой. А у кого-то в телеге даже нашлись вилы.

Один из шакалов завыл особенно громко и жалостно, после чего вся стая бросилась вперед. Животные умело обходили горящие факелы, стараясь прорваться в центр лагеря. Не знаю, что их больше привлекало: лошади или люди.

Наверное, все же лошади, которые испуганно ржали, сбившись в кучу. Вероятно, шакалы понимали, что человек — слишком опасный противник, и поэтому старались проскользнуть мимо вооруженных серпами и палками мужиков.

И некоторым это удалось. Сразу два шакала сумели прорваться сквозь заслон. Один с разбегу попытался прыгнуть на шею ближайшей лошади, но тут раздался выстрел. Шакал взвизгнул, крутанулся в воздухе и упал.

Второй решил применить другую тактику, он принялся хватать лошадей за ноги. Те, взбуждаемые запахом хищника, били копытами и вставали на дыбы.

— Тихомир, стреляй, как бы лошади не понесли! — крикнул Николас, перезаряжая свое ружье.

Грохнул еще один выстрел, после чего шакалы неожиданно отступили. Испугали ли их громкие звуки, или причиной этого стал скорый рассвет, но они словно по команде повернули назад. Уходили не спеша, словно показывая, что не очень-то нас боятся. Последним шел самый крупный хищник, на пригорке он остановился и обернулся. Его силуэт был отлично виден на фоне светлеющего неба.

Николас выставил караул, остальные мужчины вернулись к своим телегам. О том, чтобы снова ложиться спать, не могло быть и речи. Двое мужиков оттащили застреленных шакалов подальше от лагеря, а вернулись, держа в руках свернутые шкуры.

— Уже линять начали. — Один из них встряхнул шкуру,

с которой посыпались клочки шерсти.

— Ничего, на половики пойдет, — домовито заявила те-тушка Василина.

Как только чуть рассвело, хозяева осмотрели ноги своих лошадей — не покусали ли их. Все лошади оказались целы. Тут же было принято решение сворачивать лагерь и отправ-ляться в путь.

Телеги выехали на дорогу и выстроились в ряд. Все с ин-тересом посматривали в сторону Никифора. Как поведет се-бя наспех починенная ось?

Подвода медленно тронулась с места, сломанное колесо натужно заскрипело, завихляло, но не отвалилось. Правда, Никифору теперь придется идти пешком, любой лишний вес может оказаться для телеги фатальным.

Его поставили в самый хвост обоза, позади ехал лишь Ти-хомир. Мужик так и не выпускал из рук свое ружьишко, вни-мательно поглядывая по сторонам.

Ехали мы недолго, часа два, когда добрались до места предполагаемой стоянки, небольшой кипарисовой рощи, че-рез которую протекал узенький ручей, явно берущий свое начало где-то на вершине горы. Судя по старому кострищу, путники давно облюбовали это место, ведь тут были дрова и вода.

Николас велел остановиться, напоить лошадей и взять во-ды с собой. Нам предстояла самая трудная часть пути — че-рез горы.

Пока остальные занимались своими делами, мы с бабушкой успели позавтракать остатками каравая. Сыр закончился еще вчера. Зато в мешочке было еще с избытком пшена, так что можно рассчитывать на сытный ужин, главное, чтобы в пути не приключилось что-нибудь еще.

Очень хотелось кофе, на худой конец — чая, Впрочем, я сейчас была согласна даже на обычный кипяток. Но Николас никому не давал расслаживаться, поторапливая, явно желая поскорее преодолеть самый опасный участок дороги.

Уже вскоре я поняла почему.

Горная дорога то вилась серпантином, то резко устремлялась вверх. Иногда приходилось протискиваться между скалами, и тогда телеги совсем замедляли ход, стараясь не зацепиться боками за серый шершавый камень.

Большую часть пути всем пришлось преодолевать пешком, лошадям и так было трудно. Исключение сделали только для бабули, и то лишь потому, что она бы слишком задерживала общее движение. Правда, Наталка не упустила случая поворчать на этот счет, но, когда поняла, что ее никто не поддерживает, замолкла.

Дорога действительно была слишком сложной, все устали, тут не до разговоров. А когда мы проезжали участок рядом с пропастью, меня непреодолимо потянуло вниз, перед глазами вдруг промелькнули огромные крутящиеся шестеренки, и возникло чувство недолгого полета.

— Софи?

Богдан отдернул меня от края пропасти.

— С тобой все в порядке?

— Немного голова закружилась...

— Может, заберешься в телегу?

В его голосе слышалось искреннее беспокойство.

— Нет, ничего, уже прошло.

Я тряхнула головой, отгоняя страшное видение прошлого, и попыталась улыбнуться. Видимо, не очень-то у меня получилось, потому что я то и дело ощущала на себе внимательный взгляд парнишки.

Еще дважды мы останавливались на небольшой отдых. Люди просто садились на камни и молчали. А потом вставали и упрямо шли вперед. После полудня местность стала более пологой, теперь уклон был уже не вверх, а вниз. Лошадей даже приходилось придерживать, чтобы шли помедленнее.

Первая полноценная стоянка была, когда мы наконец спустились с горы и выехали на ровную местность. Тетушка Василина даже вытащила свой котел и заварила чай. На уставших лицах появились улыбки.

— Вечером будем дома, — огорошил меня Богдан.

Я-то думала, что нам предстоит еще одна ночевка под телегой. Но раз так, это даже к лучшему, особенно учитывая опыт предыдущей ночи.

Выпив с бабушкой чаю, я отправилась посмотреть телегу Никифора. Она с честью преодолела горный переход, но удерживающие новую ось ремни сильно разболтались, и ко-

лесо едва держалось. Пришлось их заново перетягивать.

Поняв, что тут и без меня справятся, я решила немного осмотреться. Мне показалось или тут было намного жарче? Судя по растительности, мы были где-то в южных степях.

Всюду, куда хватало взгляда, простиралось изумрудное, колышущееся от ветра море молодой травы. Здесь она была намного выше, чем с той стороны горы. А еще я заметила тугие бутоны полевых тюльпанов. Несколько дней — и они раскроют свои лепестки, окрашивая степь яркими красками.

Глава 10

После отдыха даже дорога казалась веселее, народ в обозе переговаривался друг с другом, на лицах то и дело мелькали улыбки. А может, все дело в том, что скоро все они будут дома.

Дом... это слово сейчас для меня казалось чем-то эфемерным. И ежу понятно, что назад в свой мир я уже никогда не вернусь. Хорошо, не успела завести кота, да и комнатных цветов у меня не было — загруженная работой, я просто не успевала за ними ухаживать. У меня даже кактусы дохли.

От мысли, что в закрытой квартире могло остаться дорогое мне живое существо, стало как-то неуютно. А так, получается, меня там совершенно ничто не держало. Весь смысл жизни составляла работа, работа и еще раз работа.

Может, для того мне и дан еще один шанс — чтобы все изменить?

В любом случае у меня теперь есть о ком заботиться. Я с теплотой посмотрела на бабулю, которая, оказывается, внимательно за мной наблюдала.

— Что? Снова спина болит?

Я подсела ближе, обеспокоенно заглядывая ей в глаза.

— А ты изменилась, Софи. Раньше никогда не спрашивала о моем здоровье.

— Наверное, повзрослела, — пожала я плечами. — Те-

перь настала моя очередь заботиться о тебе. О нас.

— Откуда ты знаешь обо всех этих штуках?

Она кивнула в сторону телеги Никифора.

Вот и настал он, тот самый ответственный момент. Нужно рассказать правдоподобную историю, которая так круто изменила мою жизнь.

— Ба, — я понизила голос почти до шепота, — той ночью, когда жирный боров навалился и начал меня душить, не знаю, что со мной случилось, но я будто очутилась в другом мире. Совсем другом, непохожем на наш. За один миг я словно прожила там целую жизнь. Это был сон или явь, не знаю, но та, другая я велела мне бороться за себя, за тебя, за наше будущее. И я нашла силы разомкнуть его пальцы на своей шее. А очнувшись, поняла, что помню все, что видела в том сне. Что это было, бабушка?

Я с тревогой смотрела на старую женщину, поверит она мне или нет?

— Бедная моя! — Она обняла меня за плечи, чуть покачиваясь, словно убаюкивая. — Этот ирод чуть не убил тебя! Слава богам, что они вернули тебя назад!

Поверила! Я незаметно выдохнула, утыкаясь лицом в ее плечо.

Время отдыха закончилось, все снова загрузились на свои телеги. Только Никифор ныл, что устал весь день идти пешком.

Проблему решили довольно быстро. Дорога была прямая

и ровная, потому просто привязали его лошадь к идущей впереди телеге, а он сам забрался на подводу Тихомира.

Спустя некоторое время мы проехали небольшую деревеньку, затем еще одну. Заметив обоз, люди высыпали на улицу, махали руками, некоторые шли рядом с телегами, переговариваясь с Николасом. Я только удивлялась: откуда его тут все знают?

Деревни, конечно, хорошо, но есть ли здесь города? Очень не хватало карты местности и понимания, где мы оказались.

Насчет городов меня просветил Богдан. Паренек рассказал, что города есть, и даже несколько. Некоторые совсем рядом. Тогда у меня сразу же возник еще один вопрос: зачем было проделывать такую дальнюю и очень опасную дорогу, когда и тут есть города, к тому же до них намного ближе.

— Так наш товар за горами стоит намного дороже, — пояснил парнишка.

— Что за товар?

Вот тут он меня удивил. Товаром, который они сбывали за горой, оказался хлопок.

— А больше у нас ничего не растет, — пояснил он.

Я попыталась вспомнить, что знаю о хлопке. Любит тепло, растет на щелочно-болотных и засоленных землях. Помню, в свое время меня это очень удивило, немногие растения могут произрастать на солончаках.

Из хлопка делают ткань и вату. А засушенные веточки применяют для украшения интерьера. На этом мои позна-

ния заканчивались.

А степь вокруг действительно начала меняться. Обычная, привычная глазу трава уступала место сероватой полыни и бессмертникам. Земля на дороге поменяла цвет, став светло-серой. Вспомнились слова бабули, что тут даже трава не растет. Растет, только совсем другая. Но это ведь не повод унывать?!

Вскоре обоз добрался до развилки и остановился. Николас спрыгнул с телеги и подошел к нам.

— Отсюда до деревни верст шесть-семь будет. А там и до усадьбы недалеко. Найдете старосту, он вам все покажет. Я буду здесь через несколько дней по делам, если к тому времени передумаете и решите вернуться, помогу добраться до ближайшего городка.

— Спасибо! — кивнула я, а бабуля добавила еще несколько добрых слов.

Мы принялись вытаскивать из телеги наши вещи, Богдан помогал.

Подошла тетушка Василина.

— Ежели тут не устроитесь, езжайте до Воронова, третий дом с краю. Дочка у нас недавно замуж вышла и в соседнее село переехала, так что места всем хватит!

Я от души поблагодарила эту добрую женщину, Василина не удержалась и сгребла нас с бабулей в охапку, прижимая к своей пышной груди.

Следом за ней стали подходить и другие наши попутчики.

Удивительно, как всех сблизили несколько дней пути. Тепло попрощавшись, мы еще некоторое время смотрели вслед уезжающим вдаль телегам, и только тут до меня дошло, что плату за дорогу с нас так и не взяли.

Время клонилось к вечеру, значит, следовало скорее добраться до жилья. Николас упомянул, что до деревни около шести верст, это значит — примерно семь километров. Думаю, дотемна успеем.

Связав между собой узлы, я перекинула их через плечо, бабуле досталась котомка с остатками нашего провианта. Шли потихоньку, часто останавливаясь на отдых. Я с беспокойством посматривала по сторонам — вдруг здесь тоже водится какая-нибудь живность? Встреча с шакалами все еще живо стояла у меня перед глазами. Да и вечерние сумерки подкрадывались незаметно, но неотвратимо.

Как же я обрадовалась, когда вдали показались очертания приземистых деревянных домов. Даже у бабули словно сил прибавилось, и мы зашагали быстрее.

Деревня была странной: серые, выцветшие от времени стены домов, за ними какие-то крошечные постройки, кажется из глины. Ни привычных заборов, ни огородов здесь не было. Не лаяли собаки, да и людей не было видно. Поначалу я даже решила, что деревня необитаема.

Тут дверь ближайшего дома открылась, и на улицу вышел ребенок. Парнишка лет семи в длинной серой рубаше и таких же штанах, худенький до прозрачности. Казалось, даже во-

лосы и кожа у него серого цвета, такие же, как и сама деревня. Единственное, что выделялось у него на лице, это глаза: по-детски яркие и любопытные.

— Здравствуй, — помахала я ему рукой, — хочешь монетку? Проводи нас до дома старосты.

Я достала из кармана мелкую медную денежку и показала ее мальцу. Детские глаза распахнулись еще шире.

— Это мне?

Он, как замороженный, не сводил глаз с монеты и явно сам не заметил, как спустился с крылечка и подошел ближе.

— Да, тебе, если отведешь нас к старосте, — кивнула я.

— Идемте, дядька Тарас на том конце села живет, — махнул он рукой.

Подхватив узлы, мы двинулись следом за нашим маленьким проводником. Он шел впереди, то и дело оборачиваясь, проверяя, не отстали ли.

Правда, идти было совсем рядом. Навскидку я насчитала в деревне домов двенадцать, не больше. Последний в ряду и принадлежал местному старосте.

Мальчишка ловко запрыгнул на ступеньку и заколотил рукой в дверь.

— Дядька Тарас, дядька Тарас, выходи, тут тебя барынька спрашивает.

— Окстись, Давид, какая барынька? А ну, марш домой, мамка искать будет! — послышался из дома сердитый бас, но парнишка только сильнее сжал маленькие кулачки и за-

стучал в дверь, решив по полной отработать обещанные ему деньги.

— Вот я тебе сейчас задам, неугомонный!

Дверь распахнулась, и на крыльце показался худой приземистый мужичок с жидкой бородашкой. Он чем-то неуловимо походил на мальчишку, что успел отбежать на безопасное расстояние и оттуда тыкал в нашу сторону пальцем.

— Вот она, барынька, старосту спрашивают!

Только теперь мужчина обратил на нас внимание и нахмурился.

— Кто такие? Что вам надо? — строго спросил он.

— Я Софи Сент-Муар, а это моя бабушка, Селия Сент-Муар. Мы прибыли в наше поместье «Белое Озеро».

— Я же говорю — барынька!

Малец бочком подобрался к нам, с надеждой заглядывая мне в глаза. Я достала из кармана обещанную монетку и вложила в подставленную худенькую ладошку.

Позабыв обо всем на свете, он принялся рассматривать свалившееся на него «богатство», вид при этом у мальчишки был такой счастливый, что я невольно улыбнулась.

А вот староста, напротив, пучил глаза так, что я даже испугалась, как бы его удар не хватил.

— Барынька! Госпожа Сент-Муар, — потрянув головой, исправился он, попеременно кланяясь то мне, то бабуле. — Отчего вы не предупредили? Мы бы вас встретили. А где ваша карета? — Он вытянул шею, пытаясь рассмотреть скры-

тую сумерками дорогу. — Ох, что же я вас на пороге-то держу? Пожалуйте в дом!

Я подняла было наши узлы, но староста оказался мужичиной расторопным.

— Позвольте мне.

Забрав наши вещи, он понес их внутрь, так что следом пришлось идти и нам. А он все не унимался:

— Вы не подумайте, у меня тут порядок! Подати исправно собираю, все налоги уплачены, вам не о чем беспокоиться! Татка! — вдруг закричал он. — Татка, подь сюды! Накрывай на стол!

Из второй комнатки, прикрытой занавеской, выглянула худая светловолосая женщина. Увидев нас, она охнула и снова скрылась за тканью. Женщина успела переодеться, накинуть платок и вернуться к нам, а ее супруг тем временем принялся пояснять ей, кто мы такие.

Я некоторое время смотрела на суесящихся хозяев и вдруг поняла, почему они так похожи на маленького Давида. Все они были очень худыми и какими-то серыми, словно блеклыми.

Нас усадили за стол, на котором появилась нехитрая деревенская снедь: серый хлеб да каша. Порции были совсем крохотными, мы явно застали этих людей врасплох, угостить им нас было нечем. Но я была даже этому рада, если вспомнить, что сегодня мы и вовсе остались без нормального обеда и ужина.

Пока мы ели, староста все пытался подсунуть то мне, то бабуле старые пожелтевшие тетради.

— Все тут: медяшечка к медяшечке, — немного волнуясь, пояснял он.

— Хорошо, давайте мы посмотрим их завтра. Бабуля очень устала, может, вы проводите нас до усадьбы?

Хозяин с хозяйкой как-то странно переглянулись.

— Так ночь на дворе, Татка вам туточки постелет. Вы уж не обессудьте, что в тесноте. А дела и правда до утра подождут, — засуетился дядька Тарас.

Что-то подозрительное было в его поведении, да и Татка уж слишком стыдливо отводила глаза в сторону, но мы так устали, что попросту не обратили на это внимания.

Мягкий, набитый ватой матрас и подушка показались мне настоящим раем. А осознание того, что мы сегодня спим не под телегой, а в доме, под настоящей крышей, расслабило настолько, что я сразу же уснула, не подозревая, о чем за соседней стеной шептались обеспокоенные хозяева.

Глава 11

Проснувшись, я впервые за последние дни почувствовала себя по-настоящему отдохнувшей. Крошечное окошко было прикрыто плотной занавеской, в комнате царил приятный полумрак, и я не сразу поняла, утро сейчас или уже день.

Привстав на локтях, глянула на лавку, где спала бабуля, но той там уже не оказалось, значит, и мне пора вставать.

Старое платье было все пропитано дорожной пылью, поэтому я решила достать из своего узла что-нибудь другое. И хотя по-хорошему следовало сначала помыться, я с большим удовольствием натянула на себя чистую одежду.

Некоторое время потратила на то, чтобы расчесать волосы. Я давно не плела кос, но руки сами привычно перебирали прядь за прядью.

Выйдя из комнатки, которую отвели нам под спальню, увидела сидящую на лавке бабулю, рядом суежилась хозяйка дома, выставляя на стол нехитрый завтрак.

— Давно так сладко не спала, перины у вас просто волшебные!

Хозяйка скупо улыбнулась и позвала нас к столу. Вчерашний серый хлеб, только каша еще горячая, свежесваренная. А вот порции такие же маленькие, как и вчера. Честно признаться, я не наелась. Молодой организм требовал еще.

Заглушить голод помог травяной чай со странным горьковатым вкусом и еще один кусок хлеба. После этого я еще больше повеселела и поинтересовалась у хозяйки, где ее супруг.

— Хочу поскорее отправиться в нашу усадьбу. Только вещи собираю.

— Зачем вам вещи? — удивилась Татка. — Пусть тут лежат, что их туда-сюда таскать? Вы когда в обратный путь собираетесь?

— Да мы вроде не собираемся. Мы сюда жить приехали. Насовсем!

На лице женщины читалось явное удивление и даже растерянность.

— Я лучше мужа позову. — И она опрометью кинулась из дома.

Вернулась через несколько минут с дядькой Тарасом. Я за это время уже успела собрать вещи в узлы, сложив их возле двери. Жена, видимо, пересказала ему наш разговор, поэтому, увидев наши пожитки, староста тут же принялся уговаривать нас оставить их здесь.

— Путь до усадьбы неблизкий, — мялся он. — Может, вам сначала мои записи посмотреть, что да как? А там я подводу снаряжу и вас до ближайшего города отвезу.

У меня складывалось впечатление, что он упорно не хочет, чтобы мы попали в усадьбу. Что-то скрывает? Я с подозрением взглянула на старосту, но он отводил взгляд, уста-

вившись себе под ноги.

— Записи подождут, я хочу увидеть свой дом!

Я уже стала раздражаться, поэтому мой голос прозвучал чуть громче обычного. Татка вздрогнула и жалобно посмотрела на своего супруга, но тот упорно не поднимал головы.

— Не будем терять времени, отведите меня в усадьбу! — велела я.

Тарасу пришлось подчиниться, я же гадала, что он скрывает. Может, сдает дом внаем и там сейчас живут посторонние люди?

Я перебирала в голове разные варианты, а сама не забывала поглядывать по сторонам. Вчера было уже слишком темно, а сегодня я могла рассмотреть деревню во всей красе. Это было удручающее зрелище. При свете дня дома выглядели еще хуже. Старые, местами покосившиеся, вросшие в землю и словно присыпанные светло-серой пылью.

Я снова поразилась отсутствию огородов. В деревне не было даже намека на зелень, трава тут действительно не росла.

К усадьбе вела узкая тропинка, из-за бабули приходилось идти очень медленно. Я придерживала ее под локоть, ругая про себя старосту, который не догадался предоставить нам хоть какой-то транспорт.

Большой двухэтажный дом стоял на возвышении, поэтому мы увидели его издалека. Я едва сдерживалась, чтобы не перейти на бег, так хотелось поскорее рассмотреть место, где мы скоро будем жить.

Наконец миновали старую покосившуюся ограду и по вымощенной камнем дорожке устремились вперед. Вместе с тем дом словно вырастал, делаясь больше и выше. Но чем ближе мы подходили, тем яснее я понимала, что с ним что-то не так.

Он был деревянным. И очень старым. В глаза сразу бросались такие же серые стены, как и в деревне.

— Я предупреждал, тут уже больше двадцати лет никто не живет. — Староста достал большой кованый ключ и принялся открывать широкую деревянную дверь.

Та жалобно скрипнула и поддалась.

Внутри царило полное запустение. Накрытая тканевыми накидками мебель напоминала большие пыльные сугробы. Кое-где в окнах не хватало стекол, и ветер лениво ворошил клочки мусора.

Если первый этаж еще более-менее можно было назвать жилым, наверху было все намного печальнее. Черепица местами осыпалась, стропила сгнили, и часть крыши провалилась внутрь. Находиться здесь было попросту опасно!

Единственное, что выстояло и не поддалось времени, — это высокая каменная башня. Сложена она была из обычного дикого камня и имела целых три яруса. Наверх вела каменная лестница без перил.

Оставив бабушку с дядькой Тарасом, я забралась по ступеням. На каждом ярусе располагалось по одной круглой комнате с окном. Сверху это сооружение венчали каменные

зубцы, и крыша тут отлично сохранилась, потому что была обита широкими железными полосами.

Я подошла к одному из зубцов, выглянула наружу. Вид отсюда был просто потрясающий!

Словно на ладони была видна и сама усадьба, и деревенька, вокруг которой раскинулась бескрайняя степь. Деревня сверху казалась еще меньше, напоминая раскиданные по столу спичечные коробки. За домиками, словно штопаное лоскутное одеяло, темнели квадраты обрабатываемых полей.

Взгляд сам собой вернулся к усадьбе, границы которой были отмечены забором, большей частью сложенным из обычного камня. А вот парадный въезд и сами ворота, скорее всего, чугунные. Только сейчас я поняла, что та калитка в заборе, через которую мы пришли, — видимо, так называемый черный ход.

Тут же высилось несколько каменных строений. Скорее всего, это были сараи или конюшни. Крыша ни на одном из них не сохранилась, остались лишь стены.

Я перешла к окошку между двумя другими зубцами башни. Взору открылась мощенная камнем площадка, переходящая в широкую дорожку, простирающуюся до самых ворот. Подъездную аллею с двух сторон окружали густые заросли не то кустарника, не то деревьев, отсюда не разобрать.

Ближе к воротам заметила еще один небольшой дом, и вот у него крыша отлично сохранилась! Я взяла себе это на заметку.

Перешла к следующему зубцу и удивленно замерла, увидев полупрозрачные квадратики стеклянной крыши. С этой стороны к дому примыкала не то теплица, не то зимний сад, и даже стекла уцелели!

Помимо оранжереи, было еще кое-что необычное. Трава. Обычная, зеленая. Только тут она смотрелась чужеродными пятнами, ведь на солонцах такая трава не растет. К тому же эти зеленые пятна были слишком правильной формы, что-то мне напоминая.

Грядки!

Да это обычный огород, вернее — необычный! Земля, скорее всего, привозная, между грядок я заметила все те же каменные дорожки. Кто-то приложил немало усилий, чтобы все это создать.

Я подняла голову, ожидая увидеть все ту же бескрайнюю степь, но вместо этого вдали раскинулось... озеро? Именно его мне напомнила вогнутая округлая чаша, окруженная по краю густым кустарником.

Еще одна странность: «озеро» располагалось на небольшой возвышенности, поэтому я почти ничего не смогла рассмотреть.

Решив оставить окрестности на потом, я снова вернулась к изучению хозяйского дома. Отсюда, сверху, крыша смотрелась еще хуже, чем я думала. А еще я заметила, как сильно отличается сама каменная башня от прилепленных к ней с двух сторон деревянных пристроек.

Напрашивался один-единственный вывод: когда-то поместье процветало, но теперь все тут дышало упадком. Интересно, почему дом забросили? Нужно расспросить бабулю.

Глянув последний раз на обвалившуюся крышу, я вздохнула — пора возвращаться. На обратном пути уже более внимательно осмотрела две большие каменные комнаты, порадовавшись, что узкие окна, состоявшие из небольших толстых мутноватых кусочков стекла, оказались целыми.

Мебели тут не было, но, возможно, мы что-нибудь отыщем в комнатах на первом этаже. Однако больше всего напугало, что здесь не имелось отопления, словно эта башня изначально никогда не была жилой.

Спустившись вниз, я нашла бабулю, деловито рассматривающую старые, выцветшие от времени гардины. Староста неловко переминался возле двери, все так же пряча взгляд. Его явно что-то тяготило.

— А что за дом там, у ворот? — спросила я.

Староста вздрогнул и вдруг так сильно побледнел, что я даже испугалась, как бы ему не стало совсем плохо.

— Это дом старого управляющего помещьем, — выдавил он из себя.

— Управляющего помещьем? — заинтересовалась бабуля, подходя ближе. — Я бы хотела с ним поговорить.

— Это невозможно...

— Почему?

— Управляющий два года как помер...

— Ох! — Бабуля прикрыла губы ладонью. — Как жаль...

Мне, конечно, тоже было немного жаль совершенно незнакомого старого управляющего, но из всего разговора я ухватила только одно: еще два года назад тот дом был жилым.

— Я хочу на него взглянуть!

— На управляющего? — удивленно спросил староста.

— Нет, на дом.

Староста снова погрузился и всю дорогу, пока мы шли до ворот, рассказывал, какой он честный и как радуется за нужды деревни.

— Вы не думайте, пока старый Бен был жив, мы платили ему подати пшеном да мукой. А как помер — и платить стало некому. Я бы брал с наших подать деньгами, но откуда они в деревне? Еле на налог наскребаем. Сами видели, как мы живем.

И тут до меня дошло: староста попросту боится, что мы обвиним его в краже податей за последние два года. Вот и причина его странного поведения.

— Ну, раз старый Бен помер, то и верно, подати некому носить, но теперь здесь будем жить мы, так что все, что вы приносили старому управляющему, будете приносить нам!

Поняв, что в краже его обвинять никто не собирается, староста разом повеселел и даже разговорился, вспоминая старого Бена. Послушать действительно было интересно, но тут мы дошли до дома.

Снаружи он смотрелся довольно неплохо, да и внутри тоже. Конечно, все покрывал толстый слой пыли, но в остальном выглядело довольно прилично.

В домике имелась гостиная с большим камином, спальня, кабинет и кухня. Мебель старая, но добротная. Жить можно. Во всяком случае, это намного лучше, чем пустая каменная башня.

— Мы будем жить тут! — объявила я.

— Как, разве вы не уедете обратно в город? — удивился староста.

— Нет, — покачала я головой. — Эта усадьба досталась мне в наследство, и она мне очень нравится, я решила поселиться именно здесь.

Староста смешно открывал и закрывал рот, видимо, у него накопилось много вопросов и еще больше советов, но он так и не решился их озвучить.

— Пусть кто-нибудь принесет сюда наши вещи. И кстати, где здесь вода?

Воду брали из колодца возле хозяйского дома. Оставив бабушку в домике управляющего, я вместе со старостой сходила и удостоверилась, что там есть ведро и довольно крепкая веревка. Значит, можно натаскать воды и заняться уборкой.

Договорившись, что завтра староста явится со своей тетрадью для отчета, я вернулась назад, к бабуле.

Глава 12

Бабуля, оказывается, тоже не сидела на месте, отыскивала в кладовке метлу и принялась снимать с углов вездесущую паутину. А я, подхватив ведра, пошла к колодцу.

Он представлял собой сложенную из камня, уходящую глубоко в землю трубу, а вытаскивать веревку нужно было перебирая руками, что не очень удобно.

Руки работали, методично перехватывая веревку с тяжелым ведром, а в голове уже проносились варианты решения этой проблемы. Самое очевидное — обычный колодезный ворот. Крутишь себе за ручку, а веревка наматывается на специальный вал. Нужно только подобрать что-нибудь подходящее. Интересно, здесь есть кузнец?

К колодцу пришлось ходить несколько раз. Сначала я подхватила сразу два ведра, но вскоре поняла, что погорячилась. Худенькое тело Софи для этого было слишком слабым, да и длинный подол платья ужасно мешался и вскоре намок от расплескиваемой из ведра воды.

А воды требовалось очень много, нам предстояла настоящая генеральная уборка. Понимая, что убрать все сразу мы не успеем, я предложила начать со спальни — хотя бы ночь проведем в чистой комнате. Первое время придется нам с бабулей спать на одной кровати, пока я не оборудую свой

уголок в кабинете.

Мы вынесли на солнышко старый матрас, аккуратно сняли и вытрясли шторы, а также лежащий на полу старенький коврик.

— Все, передышка, — заявила я, опускаясь на стоящую возле крылечка лавочку.

Пот катился с меня градом, руки и одежду покрывал слой пыли, а ведь я надела сегодня один из лучших своих нарядов — хотела покрасоваться перед деревенскими. Так и знала, что нужно было сразу вещи с собой брать.

Словно прочитав мои мысли, на тропинке, ведущей от дома, показалась мужская фигура. Я сначала напряглась, но потом заметила у него в руках знакомые узлы и сразу успокоилась.

Помимо свертков с нашими вещами, молодой, очень похожий на старосту мужчина принес корзину с продуктами. Пшено, бутылка хлопкового масла, несколько пластинок вяленого мяса. Негусто, но на первое время нам хватит.

Парень с интересом посматривал на меня и неожиданно предложил свою помощь. А я и не отказалась.

Он быстро натаскал воды, которую мы выставили на солнышко — пусть греется. В доме был камин, а на кухне — небольшая узенькая печь, но мы с ней пока еще не разобрались. Да и чем ее топить — тоже вопрос, который разрешил все тот же наш добровольный помощник.

Григор оказался сыном старосты и был немного знаком

с этой усадьбой. Он рассказал, что в деревне печи обычно топят кизяками, ведь дрова найти не так-то просто. Не так много деревьев растут на солончаках, разве что тамариск себя отлично чувствует и разрастается так густо, что не пройти. Чуть дальше, за топиями, растут чинары, но рубить их никто не решается, ведь роща является собственностью хозяев поместья.

— Что за топи? — заинтересовалась я.

А вот тут мы узнали много интересного. Григор рассказал нам не то сказку, не то легенду.

Раньше этот край не был таким суровым, всюду росли деревья и зеленая трава. А еще было огромное озеро, очень глубокое, с чистой водой. Питали его подземные ключи, что прятались на самом дне. Озеро переполнялось, и тогда от его берегов в разные стороны пролегали лучи небольших ручьев.

Это место так понравилось предкам Сент-Муаров, что они заложили здесь башню, именно она стала основой будущего хозяйского дома. Вокруг усадьбы выросла деревня, для постройки которой использовалось платановое дерево. Очень прочное, ведь некоторые дома стоят до сих пор.

Но со временем стало происходить что-то нехорошее. Воды в озере становилось все меньше. Ручьи больше не питали окрестные земли, зеленая трава сменилась на серую и бурую. Жара и сухие ветра превратили этот благословенный край в безжизненную степь. А еще — вся вода стала очень соленой!

Когда хозяева усадьбы окончательно перебрались в город, то и деревня сильно поредела. Жить тут становилось все труднее.

— Видимо, предки разгневали богов и те наслали на нас такие напасти, — вздохнул Григор.

Но я-то отлично понимала, что всему виной жаркий климат и изменение водного баланса. Вероятно, один или несколько родников на дне озера закрылись, а оставшаяся вода из-за жары стала очень быстро испаряться, вытягивая на поверхность земли соли.

Какой-то из родников все же остался, пополняя чашу бывшего озера водой, что еще больше усугубляло эту ситуацию. А вокруг озера образовалось болото.

Все это было интересно и познавательно, но сейчас меня больше беспокоило, как растопить печь и приготовить обед. Время двигалось к полудню, пора и подкрепиться.

Тут Григору удалось в очередной раз удивить меня. В одном из сараев с рухнувшей крышей высилась огромная куча... угля!

— Уголь привозят из земель чуть севернее наших. Добывают в горах, — пояснил парень.

Из угольной кучи торчала совковая лопата, и Григор быстро набрал для нас целую корзину глянцево-черных угольных камешков. Он и печь помог растопить, и скоро над крышей домика потянулся сизый дымок.

— Ладно, пойду я, и так задержался. Я к вам еще завтра

зайду, — пообещал он, махнув рукой на прощание.

Проводив парня, мы с бабулей занялись нашим обедом.

Бабушка довольно ловко управлялась на кухне, поэтому я решила не мешаться у нее под ногами и, быстренько переодевшись в платье попроще, занялась стиркой постельного белья. Ветерок и солнышко быстро его просушат, так что мы сегодня будем спать как настоящие королевы.

Вскоре аромат мясной похлебки заставил меня отложить все дела. Тут и бабуля вышла на крыльцо, приложила ладонь ко лбу, прикрывая глаза от яркого солнца.

— Софи, обедать! — позвала она.

Самый простой суп из пшена и вяленого мяса выглядел так аппетитно, что я поскорее уселась за стол.

— Ничего вкуснее не ела! Бабуля, ты просто волшебница!

— Софи, не разговаривай с набитым ртом, — сделала она замечание.

Но было видно, что моя похвала пришлась ей по душе. Бабушка все еще слишком переживала из-за резкой смены моего характера и каждый раз старалась показать, что она старше и несет за меня полную ответственность, хватаясь за самые тяжелые задания.

Так и получалось, что мы, оберегая друг друга, старались сделать побольше, чтобы другой досталось меньше работы. Поэтому, к нашему большому удивлению, уже вечером маленький домик управляющего сверкал чистотой, а мы с бабулей просто валились с ног.

Заперев дом изнутри на толстый засов, мы упали на кровать и моментально заснули.

Утро отозвалось болью в натруженных мышцах. Кажется, я вчера перестаралась.

Тихонько, чтобы не разбудить спящую бабушку, я поднялась с кровати и, чуть слышно постанывая, поплелась на кухню. Затопила печь, поставила на плиту чайник и достала узелок с ароматными травами. Их я собрала еще во время нашей первой стоянки за горами.

Все же фраза бабули «там даже трава не растет» крепко засела в моей голове. Зато теперь у нас имелся небольшой запас ромашки, душицы и перечной мяты, которую я нарвала у ручья. На какое-то время этого хватит, а потом уже успею познакомиться с местными растениями.

Помимо всего, еще вчера мы столкнулись с большой проблемой: вода в колодце оказалась соленой. Для супа и каши это вышло в самый раз, а вот просто попить водички или заварить чай — это совсем другое.

С вечера я вскипятила немного воды и поставила ее отстаиваться. Только это не помогло. На дне кувшина угадывался тонкий слой осадка, но на вкус вода по-прежнему оставалась слишком соленой.

Я знала, как опреснить воду: прогнать ее через дистиллятор. Моих инженерных знаний вполне хватало, чтобы соорудить самый простой аппарат. Главное — подобрать детали. Нужно как следует обследовать хозяйский дом, надеюсь, я

найду там что-нибудь полезное.

Чайник вскипел, и я кинула в него щепотку сухих трав. Как раз вовремя — на кухне появилась полностью одетая и причесанная бабуля.

— Софи, — покачала она головой, — почему ты еще не одета?

Я опустила глаза на свою длинную, до самых пят, ночную сорочку. Рукава до запястья и воротничок под горлышко скрывали даже больше, чем обычное платье, но бабушка со всей строгостью выговорила мне, что ни одна уважающая себя дама не сядет за стол в negligé.

Бросив на кружку с чаем грустный взгляд, я пошла переодеваться.

После завтрака решила, что сегодня никакой работы, тем более хоть бабуля и старалась держать ровную осанку, но я видела, как иногда кривятся ее губы, скрывая от меня беспокоящие боли в спине.

Впрочем, стоило только нам прибрать со стола, как в дверь постучали. Оказалось, пришел староста. В руках он держал свою довольно потрепанную тетрадь.

Вместе мы прошли в кабинет, я усадила бабушку за стол, на главное место, сама устроилась рядом с дядькой Тарасом. Так и бабуле спокойнее, и мне удобнее читать записи в его тетради.

Со слов старосты мы узнали, что владения Сент-Муаров очень обширны и все, что в них находится, принадлежит

теперь мне. Даже деревенские дома. Именно за них селяне и платили подати, включая обязательный налог, отходящий государству. Вернее, королевству. Память Софи подсказывала, что в стране уже довольно продолжительное время правит одна и та же королевская династия.

Обычно налог платят по осени. Я старалась не пропустить ни единого слова, запоминая и сумму налога, и причитающуюся нам подать, жалея, что не приготовила заранее бумагу и карандаш.

По словам старосты, жители деревни обрабатывали немного земли и сажали там хлопок. Его и возили в ближайший городок на продажу.

А еще они собирали соль. Да-да — именно собирали!

Вокруг гиблых топей росли удивительные растения, у некоторых на листьях появлялись кристаллики соли. У других и вовсе время от времени листья словно взрывались изнутри, вытряхивая накопившуюся соль.

Селяне расстилали под ними ткань и встряхивали кустики, собирая драгоценные крупинки. Самим им соль ни к чему — вода в колодце и так слишком соленая, вот и возили ее на продажу, ведь в других местах соль очень ценилась, и выручить за нее удавалось намного больше, чем за хлопок.

Это еще больше укрепило меня в мысли изготовить дистиллятор — ведь так соль можно получать прямо из воды. Я уже с нетерпением ждала, когда староста уйдет, чтобы взяться за любимую работу.

Глава 13

Бабуля занялась приготовлением обеда, а я поспешила в хозяйский дом. Первым делом решила обследовать кухню и подсобные помещения, именно там я рассчитывала найти много интересного — и не прогадала.

Работа дистиллятора очень проста: нужно довести воду до кипения и, собрав пар в отдельную емкость, охладить его. На выходе получается чистейшая дистиллированная вода без каких-либо примесей, то, что мне и нужно.

С емкостями было проще всего, полки на кухне оказались забиты разнообразной кухонной утварью. Мне сразу приглянулся большой металлический бак с плотно прилегающей крышкой. Это будет основа моего дистиллятора.

В качестве охлаждающей емкости, куда будет заливаться обычная холодная вода, я приспособила дырявое ведро. Осталось только найти трубку, по которой пар будет выходить из бака. А вот с этим возникли некоторые сложности — ничего похожего тут попросту не было.

Я уже отчаялась, думая, что моя затея провалилась, и решила на всякий случай пробежаться по комнатам первого этажа.

Гостиные, будуары, спальни. Мебель, накрытая пыльными чехлами. Библиотека, несколько шкафов с книгами, бу-

дет что почитать на сон грядущий. На одной из стен развешано оружие: старые мечи, кинжалы, шлем и латы, два ружья. А еще горн.

Я замерла, не веря своим глазам, рассматривая потускневший от времени музыкальный инструмент. Возможно, этот горн поднимал в атаку военные дружины или просто играл побудку, но меня сейчас мало интересовала история этой славной реликвии. Сейчас я видела перед собой тонкую медную трубку, идеально подходящую для моей задумки.

Радости моей не было предела, осталось только решить, где установить этот аппарат. Кипятить воду в доме, особенно летом, в жару, я посчитала нецелесообразным. Мало того — для дистилляции требуется много холодной воды. Я не видела смысла таскать ее к домику управляющего. Проще всего установить аппарат неподалеку от колодца. Чем я и занялась.

Для начала требовалось сложить печь. Впрочем, хватило бы двух кирпичей и разведенного между ними костра, но я привыкла все делать основательно, на совесть.

Сходила к ограде и натаскала камней, которые вывалились из кладки. Было бы неплохо скрепить их при помощи глины, но чего нет, того нет. Я просто воспользовалась методом древних строителей, что возводили башню: выкладывала камни по кругу, оставив лишь небольшое отверстие, через которое буду засыпать уголь и убирать золу.

Доделать не успела — пришла бабуля и позвала меня обедать. Она с интересом рассматривала сваленные в кучу кам-

ни, и я снова уловила в ее взгляде нечто похожее на недоверие. Мало того, за обедом мне прочитали целую лекцию о том, как следует себя вести леди. Моя инициатива явно ее пугала.

— Ба, какие тут этикетки, нам бы просто выжить!

Бабуля поджала губы и замолчала. До самого вечера она так и не проронила ни слова, Впрочем, мне было не до этого. Остаток дня я провела, сооружая печь и устанавливая на нее свой дистиллятор. К ужину у меня была целая кружка чистой воды!

Как же я радовалась!

Добежала до дома, сунула бабушке в руки кружку с водой.

— Пей!

Она сделала аккуратный глоток, отставила емкость на стол.

— Ну что?

— Обычная вода. — Бабуля пожала плечами.

— Вот именно — обычная, не соленая! У меня получилось!

Я схватила бабушку за руки и закружила по комнате, а потом чмокнула в щеку и радостно засмеялась.

— Ох! — Бабуля чуть покачнулась, прикладывая ладонь к голове. Я тут же помогла ей сесть на стул.

Судя по улыбке, она простила мне недавнюю несдержанность, хотя, думаю, еще до конца не понимала, какое важное дело я сотворила. Чистая питьевая вода — одна из самых

больших ценностей.

— Умывайся и за стол. Переодеться не забудь! — велела бабуля.

Все-таки она неисправима, пытаясь соблюдать правила этикета даже в таких приземленных условиях.

Вечер прошел относительно спокойно. Пока было еще довольно светло, я принялась обследовать кабинет. К моему удивлению, на полках книжного шкафа обнаружились толстые амбарные книги. Все довольно потрепанные, а судя по датам на обложках, некоторым было больше ста лет!

Видимо, старый управляющий любил порядок, книги были аккуратно разложены по годам. Взяв верхнюю, я не без труда перетащила ее на стол, поближе к окну.

Пролистав несколько страниц, поняла, что в книгу записывалось все, что происходило в усадьбе и ее окрестностях. В основном тут велся учет приходам и расходам: сколько муки закуплено, сколько шерсти продано, сколько новых фартуков выдано служанкам, а лопат — садовнику.

Помимо хозяйственных записей, имелись отметки о рождении детей, свадьбах и других важных событиях. И не только в самой усадьбе, но и в деревне.

Можно сказать, передо мной лежала самая полная история рода Сент-Муар. Со времен расцвета и до полного увядания.

Я решила, что обязательно изучу эти записи. Благодаря почерпнутым из них сведениям можно понять, как давно на-

чалось засоление почвы и что еще можно предпринять. К тому же нелишним будет знать, чем жили мои предки, с чего имели доход. Вдруг пригодится.

За окном стремительно темнело, поэтому я закрыла амбарную книгу и взялась за ящики стола. В первом же обнаружила стопку чистой бумаги и несколько карандашей. Именно это мне и требовалось. Для чертежей, расчетов и иных записей.

Другой ящик был набит письмами, записками, квитанциями об уплате налогов и тому подобным. Посмотрю их после.

Самый нижний ящик оказался заперт. Подергав за ручку, поняла, что открыть его не смогу, а портить мебель и ломать замок не хотелось. Где-то в доме должен иметься ключ, нужно только поискать.

Поиски ключа я отложила на завтра. Уже совсем стемнело, а свечей у нас было так мало, что придется их экономить.

Я с грустью вспоминала технические достижения своего прежнего мира, когда горящая лампочка или вода из крана считались чем-то обыденным и привычным.

Но ведь я инженер, и все мои знания и умения по-прежнему со мной! Может, я попала сюда не случайно, а с особой миссией — нести технический прогресс? Эта мысль сильно меня взбодрила. Бабушка уже давно заснула, а я еще долго возилась в кровати, перебирая в памяти свои прежние знания.

А утром, приготовив завтрак, бабуля занялась чаем. Зачерпнула из ведра воды и, закинув в кипяток горсть ароматных травок, налила себе целую кружку. Сделала глоток, другой, едва уловимо поморщилась и поставила кружку на стол.

— Софи, а что там твоя кастрюля, много чистой воды может дать? — как бы невзначай спросила она.

— Мой дистиллятор? — уточнила я. — Ну, не знаю. Вчера на кружку ушел почти целый час. — Я пожала плечами.

Кажется, до нее все же дошла разница между питьевой и соленой водой. Последняя к тому же не очень полезна для здоровья, теперь я понимала, почему деревенские жители так болезненно выглядят.

— А еще нам нужно в торговую лавку, наших припасов надолго не хватит. Надо купить молока, яиц и масла, не сидеть же нам все время на одной каше.

— Хорошо, как освобожусь, схожу в деревню, — пообещала я.

Правда, денег у нас почти не осталось, так, мелочь одна. Есть золотая монета, но сомневаюсь, что я смогу ее здесь разменять. Даже в городе это было не так-то просто.

Ладно, что-нибудь придумаю. А пока нужно еще добыть чистой воды. Оставив бабулю заниматься домашними делами, я отправилась к колодцу. Наполнила емкость дистиллятора водой, развела огонь, проследила, чтобы он как следует разгорелся, и, чтобы не терять времени, решила продолжить обследование хозяйского дома.

Еще вчера я заметила в одной из кладовок набор инструментов: пилы, топоры, молотки. Думаю, стоит начать именно оттуда.

Инструмент оказался довольно примитивным и очень старым. Местами металл покрылся ржавчиной, а деревянные ручки топоров и молотков давно рассохлись. Но это дело поправимое: пилы можно снова наточить, а топоры опустить в воду. Меня больше беспокоило отсутствие привычных плоскогубцев, а про отвертки даже и вспоминать не стоило, кажется, их здесь еще не изобрели.

Я перебрала еще кучу хлама, о предназначении которого даже понятия не имела. Зато кухня неожиданно порадовала. В одном из шкафов обнаружили щипцы для колки сахара, пинцеты, ножницы. Один из наборов и вовсе оказался серебряным.

Но больше всего меня порадовал огромный вертел. Похоже, на нем поместится целый баран или поросенок. То что нужно для колодезного ворота. Осталось только найти толстое бревнышко и насадить его на вертел. Думаю, стоит проверить сарай.

Дойти до сарая я не успела. По тропинке со стороны деревни шел Григор. Заметив меня, парень широко улыбнулся.

— Доброго денечка, госпожа Софи!

— Доброго, доброго, — кивнула я.

— Я помочь пришел, — обрадовал он меня. — Говорите, что делать нужно.

Решив, что его прислал староста, я потащила парня к сараю. Лишние мужские руки мне сейчас будут очень кстати.

Объяснив ему, что мне требуется легкое, но прочное деревянное бревнышко примерно с полметра длиной, заглянула в первый сарай. Часть крыши еще была на месте, но опасно провисла, а в самом углу зияла огромная дыра.

Зато светло! Во всем нужно находить положительные стороны!

Здесь хранился различный сельскохозяйственный инвентарь. Я сразу узнала плуг и бороны. Все это крепилось к большим железным колесам и, судя по величине, работало на конной тяге. Мой наметанный глаз сразу оценил размер попавшего в мои руки богатства. Нужно только позаботиться о том, чтобы рухнувшая крыша не повредила эти механизмы.

Следующий сарай был забит разным хламом: какие-то бочки, ящики, корзины и части старой мебели. Пойдут в печь на растопку, решила я.

Подходящие бревна мы обнаружили рядом с угольным складом. Вероятно, они предназначались на дрова, и оставалось их совсем немного. Выбрав бревнышко поровней и потолще, я попробовала его приподнять. Не тут-то было, оно оказалось довольно тяжелым.

— А зачем вам это бревно? Тут ведь угля полно.

Григор не разделял моего энтузиазма. А когда я объяснила, что хочу отпилить от этого бревнышка небольшую часть

и просверлить в нем отверстие, он заверил меня, что ничего не получится.

— Это же чинара, у нее древесина очень плотная. Чтобы проделать такое отверстие, не один день уйдет!

Обидно, но нет проблемы, которую нельзя было бы решить. Просто нужно найти другой путь, другой способ.

Если не получается использовать одно толстое бревно, значит, возьму несколько тонких и закреплю их вокруг вертела. Да, получится не так красиво, но главное — функционально. А мне важен результат.

Вернулась в дом за пилой, заодно проверила работу дистиллятора, подбросив угля и долив холодной воды. Вместе с Григором отобрали два бревнышка для столбов, на которых будет крепиться колодезный ворот.

Григор отпилил нужную длину. Судя по его напряженным рукам и пыхтению, дерево действительно было очень твердым. Потом вдвоем мы дотащили эти бревна до колодца, оставалось только выкопать ямки и установить их, но тут появилась бабуля.

Увидев Григора, она недовольно поджала губы. Чувствую, меня снова ждет лекция на тему, что не стоит незамужним девушкам оставаться наедине с мужчинами. Хорошо, что она не видела, как мы вместе бревна таскали!

Как бы там ни было, воспитание взяло верх, и бабушка пригласила парня отобедать с нами. Тот вымыл руки, пригладил ладонью волосы и широко улыбнулся.

Прихватив кувшин с чистой водой, мы все вместе пошли к дому. Бабуля, достав еще одну тарелку, усадила нас за уже накрытый стол. Часть принесенной воды она вылила в чайник, остальное разлила по стаканам, подав их нам.

Я с наслаждением сделала глоток, затем другой. К обеду стало совсем жарко, и очень хотелось пить.

Следом за мной стакан взял Григор, я с интересом наблюдала за его действиями.

— Что это? — нахмурился он. — Странный вкус...

— Это вода, просто вода.

— Нет, вода совсем другая, — качнул он головой.

Только сейчас до меня дошло, что он с детства пил лишь соленую воду, поэтому другой и не знает. Пришлось объяснять ему, что вода бывает разная. Он смотрел на меня с хитрым прищуром и, кажется, не верил ни одному моему слову.

— А ты из деревни куда-нибудь выезжал? — осторожно спросила я.

— Конечно! Батюшка несколько раз брал меня с собой на рынок в соседний город.

— Неужто ты там ничего не пил?

— Почему не пил? — обиделся он. — Очень даже пил, имбирный лимонад. Знаете, какой вкусный, у нас почему-то такой не получается!

— Ну да, ну да...

Все с ним ясно, сидя в этой глуши, он толком и жизни-то не видел.

Отобедав, бабуля принялась расспрашивать Григора насчет торговой лавки, тут-то и выяснилось, что в деревне ее попросту нет. Да и к чему она, если здесь всего десять домов. Если что нужно, друг у друга выменивают — масло на яйца, муку на пшено — или работой расплачиваются.

— А если нужно что-то такое, чего в деревне нет? Например, свечи.

— Тогда к батю моему идут, он раз в месяц в город ездит. Все, что надобно, оттуда привезет.

Кажется, снова нужно идти к старосте, узнать, когда он следующий раз на рынок ехать собирается. Может, там мне удастся разменять свой золотой.

Остаток дня мы с Григором копали ямки и устанавливали столбики. Жаль, нет цемента, пришлось укреплять их, насыпав в ямки мелких камней. Григор помог мне закрепить на столбах колодезный ворот и даже лично достал первое ведро воды.

— А так намного удобнее. — В его голосе слышалось искреннее удивление. Получается, он помогал мне, не веря в результат? Зато теперь в его взгляде проскакивало что-то вроде уважения.

День клонился к вечеру. Григор нехотя попрощался, пообещав, что снова придет, как только сможет, а я задумалась, что надо как-то отблагодарить парня за работу. Как только разменяю золотой, обязательно дам ему несколько монет.

Оставшись одна, я сама проверила, как работает колодез-

ный ворот. Конструкция получилась немного кособокая и громоздкая, столбики чуть покачивались, вертел скрипел, но я добилась главного — доставать воду из колодца стало намного легче.

Убрала инструменты, заново наполнила дистиллятор, подбросила угля и, забрав с собой полный кувшин чистой воды, отправилась домой.

Глава 14

Сегодня я проспала, так вчера уработалась, что даже не слышала, как проснулась бабушка. Это напомнило мне о том, что я хотела оборудовать для себя отдельное спальное место в кабинете. Там уже стоял диван, который оказался жутко жестким и неудобным. А в хозяйском доме полно мебели, нужно только подобрать что-нибудь не очень громоздкое.

Так что сегодняшней день я решила посвятить дальнейшему осмотру территории, а после обеда сходить в деревню, договориться со старостой насчет поездки в город.

Позавтракав, надела самое удобное платье и позвала с собой бабулю. На удивление, она сразу же согласилась. Видимо, ей самой не терпелось посмотреть на наши владения.

Начать решили с той части, где располагались жилые комнаты. В левом крыле мы насчитали четыре спальни, будуар, хозяйский кабинет и ту самую библиотеку, где на всеобщее обозрение было выставлено славное прошлое рода Сент-Мурар.

Бабуля ходила из комнаты в комнату, иногда останавливаясь, дотрагиваясь до пыльного балдахина над кроватью или бронзовой фигурки на каминной полке.

— В этой комнате мы с твоим дедом жили после свадьбы,

— внезапно ошарашила она меня.

— Ты об этом никогда не рассказывала, — вылетело у меня прежде, чем я успела подумать.

— Это было так давно, да и оставались мы тут совсем недолго. В то время дом еще был целым, но первые признаки угасания уже коснулись усадьбы, и мой муж, твой дед, не захотел здесь оставаться. За мной давали достойное приданое, мы купили дом в городе, и больше я тут не бывала.

— Бабуля, расскажи, как тут было прежде! — попросила я.

Она задумалась. Глаза старой женщины затянуло мечтательной поволокой, словно она вернулась в то время, когда была молода и счастлива.

— Здесь, внизу, располагались хозяйские спальни. Леди Мириам, твоя прабабка, очень любила разводить цветы. Помню, цветочные горшки стояли повсюду. Именно для нее твой прадед построил крытую оранжерею. Дверь в нее должна быть где-то здесь, рядом с будуаром.

Дверь мы нашли, но она оказалась заперта, и мы пошли дальше.

— Мы жили в этой спальне. Днем я много гуляла или помогала леди Мириам в оранжерее. Мужчины обычно занимались делами, раньше здесь всю округу занимали хлопковые поля. Следующая спальня всегда пустовала, вроде в ней жила сестра твоего прадеда, которая еще в молодости погибла на конной прогулке. В семье не любили об этом рассказы-

вать. Комната всегда стояла закрытой, я здесь даже ни разу не бывала.

Бабуля с интересом рассматривала убранство девичьей спальни со светлой мебелью и выцветшими от времени розовыми обоями.

— А это кабинет твоего прадеда, тут он работал с деловыми бумагами, а вечером мы все вместе шли пить чай в столовую. Кухарка готовила замечательные булочки с маком.

Кабинет и библиотека заинтересовали меня больше других комнат, я решила вернуться сюда позже, как следует осмотреть содержимое шкафов и ящичков стола. Вдруг повеет найти что-нибудь интересное и даже ценное. Ведь сохранились же на кухне серебряные вилки и ложки, а они явно немало стоят.

Чтобы посмотреть столовую, нам пришлось пройти через просторный холл в другое крыло.

Помимо столовой, в этой части дома располагалась гостиная, где, вероятно, принимали гостей, кухня, многочисленные кладовые и комнаты для прислуги.

Именно в одной из этих комнаток я присмотрела для себя кровать. Как только Григор снова появится, попрошу его помочь мне перетащить ее в малый дом.

Мы с бабушкой долго и очень тщательно осматривали все кладовые. В одной из них обнаружили что-то вроде швейной мастерской. На столе лежали иглы, ножницы, мотки ниток. На стеллажах осталось несколько рулонов ткани. Несмотря

на прошедшие годы, ткань была крепкая, не было и затхлого запаха, но это больше заслуга жаркого и сухого климата.

В другой кладовке стеллажи были забиты постельным бельем и полотенцами. Кухонную посуду и утварь я уже видела. Создавалось впечатление, что хозяева покинули свой дом в одночасье и тут все осталось как прежде.

— А что случилось? Почему здесь никто не живет?

Этот вопрос давно уже мучил меня.

— Леди Мириам умерла лет тридцать назад, муж пережил ее лет на пять, не больше. Твой дед, мой супруг, несколько раз ездил сюда, он-то и рассказал, что поля оскудели, а вместо озера появились непролазные топи и что тут даже трава не растет. Думаю, он просто хотел напугать меня, ведь я предлагала оставить наш городской дом твоей матери, а самим переехать в эту усадьбу. Потом и его не стало, сильно простудился в одной из деловых поездок, лекари ничего не смогли сделать. Хорошо, что к тому времени твоя мать уже вышла замуж, а потом появилась ты, Софи.

Бабуля нежно мне улыбнулась.

— Бабушка! — Не удержавшись, я крепко ее обняла, уткнувшись носом в плечо и едва сдерживаясь, чтобы не разреветься.

— Ну, ну, — бабулина рука успокаивающе поглаживала меня по спине, — полноте, все будет хорошо!

— А башня? Что было там?

Это величественное строение словно притягивало мой

взгляд. Уж слишком башня выделялась на фоне деревянных стен.

— Насколько я помню, она всегда стояла пустой. — Бабуля задумалась. — Кажется, раньше ее использовали как сторожевую, но потом надобность в этом отпала.

Бабушка вспомнила, что на втором этаже располагались гостевые комнаты и бальная зала. Ничего ценного там не было, разве что развешанные по стенам картины да бронзовые канделябры.

Мы бродили по старому дому до самого обеда. Бабуля прихватила с собой кое-что из посуды, а я — несколько комплектов постельного белья и полотенец.

Время ностальгии закончилось, пора было снова браться за дело.

После этой прогулки бабуля словно помолодела. Вернувшись с кувшином чистой воды, я неожиданно застала ее на кухне напевающей веселую мелодию.

Глядя на нее, я и сама, не заметив как, стала мурлыкать себе под нос слова незатейливой песенки. Сегодня я поняла, что не все так плохо. У нас есть крыша над головой, в старом доме полно разных вещей, некоторые из них довольно ценные. Значит, их можно выгодно продать.

Удивительно, что за столько лет дом не разграбили. Видимо, это заслуга управляющего, жаль, что мы не застали его в живых. Да и староста, несмотря ни на что, умудряется платить налоги, а ведь жизнь в этих местах явно не из легких!

И тут мне в голову пришла замечательная идея. Дядька Тарас говорил, что налог нужно платить по осени, время еще есть. Пусть вместо денег деревенские снабжают нас продуктами, а я к тому времени продам какую-нибудь безделицу и уплачу налог сама.

А может, предложить что-нибудь Николасу? Он обещал на днях заехать, думаю, забрать плату за наш проезд с его обозом. Часть денег от нашего первого золотого хранилась у бабушки в шкатулке, именно этими монетами мы и хотели с ним рассчитаться, но вдруг он согласится на серебряные вилки и ложки?

Воодушевившись новыми планами, я переоделась в самое приличное платье и отправилась в деревню. Все же я хозяйка этих мест, хотя это пока в голове не укладывалось, но нужно держать марку.

Увидев меня на пороге своего дома, староста явно удивился, но, когда я рассказала, зачем пришла, его удивление стало еще больше.

— А не случится ли так, барышня, что вы наиграетесь да уедете, а мне опять подати с народа собирать? — прищурился он.

— Уезжать я не собираюсь, у меня и тут вон сколько дел — непочатый край. Но чтобы все было честь по чести, подпишем бумагу, что налог я плачу сама, а вы мне все возмещаете продуктами.

Хорошо, взяла с собой лист бумаги и карандаш. Вместе

мы составили документ, который полностью удовлетворил обе стороны. Тщательно переписала его в двух экземплярах, после чего мы поставили свои подписи.

Хитрый дядька Тарас посетовал, что ему теперь придется вести дополнительные записи, чтобы составлять график очередности. Пришлось пообещать ему чистую доходную книгу, я видела несколько таких на полке в кабинете управляющего.

Договорились, что каждые четыре дня нам будут приносить несколько яиц, молоко, масло и мясо, в зависимости от сезона. Крупы и муку закупали в городе, так что на это я претендовать не стала.

Заодно расспросила, когда планируется следующая поездка в город, насколько большой там рынок, что можно купить и что продать.

Со слов дядьки Тараса, ближайший городок совсем небольшой, ехать до него часа четыре в одну сторону. На мой вопрос, есть ли там скупка ценностей, он задумался, а потом выдал:

— Есть же Санька-барахольщик, его склады аккурат в конце рынка. Там можно купить и продать все что душе угодно!

— Вот и хорошо! Так когда вы в город собираетесь?

Староста задумался, закатил глаза, что-то шепча про себя и загибая пальцы.

— Следующий базарный день аккурат через неделю будет,

— обрадовал он меня.

— Я с вами!

— Так мы на телеге поедem, другого транспорта у нас нетуcь.

— Ничего, не впервой, главное — не пешком, — отмахнулась я, уже предвкушая будущую поездку.

Распрощавшись со старостой, я в прекрасном расположении духа вернулась домой, уже потирая руки от предстоящей сделки. Нужно только собрать по дому все ценное. Для начала возьму всего понемножку, а там уже сориентируюсь по обстоятельствам.

Следующие три дня я потратила на планомерный обход дома и сбор ценностей. Начала с кабинета старого управляющего и поисков ключа от нижнего ящика рабочего стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.